

СОДЕРЖАНИЕ:

Порядокъ рекомендаций.—Замѣтки.—Хроника.—Письма въ редакцію.—Маленькая хроника.—По провинціи.—Музыкальныя замѣтки. *И. Кирилосовскаго*.—Попытка реставраціи средневѣковаго театра. (Окончаніе). *Анатолія Кремлева*.—Эстетика и... этника. (Письмо изъ Москвы). *Сергія Яблоновскаго*.—Карнавалъ. *Оскара Норвежскаго*.—Казанскія письма. *М. Зельдовича*.—Новыя изданія „Театра и Искусства“.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки и портреты: П. В. Самойловъ въ роли Освальда, С. В. Валуа, Н. В. Санина, „Жить можно“... или что увидалъ дялошка въ бинокль. (Шаржъ), „Неронъ“, Къ сезону карнавала (2 рис.), „Солдатъ и черти“.

Приложеніе: „Библіотека Театра и Искусства“, кн. II. „Ома Керковенъ“. Романъ *Корфица Гольма* (пер. съ нѣмецк. *К. К.*). (Продолж.). Стихотвореніе *Зои Бударовой*. Театральныя воспоминанія *Николая Сидовскаго*. Перев. съ украинскаго *А. Сикестанской*. „Excelsior“. Стих. *И. Шебуева*. Морисъ Метерлинкъ, *Лополо Шлафи* (съ нѣмецкаго). (Продолж.). „Розы“, тетралогія *Г. Зудермана* („Полосы свѣта“, „Марго“, „Послѣдній визитъ“, „Далеская принцесса“), перев. *В. Тамашевской* и *В. Курель*.

С.-Петербургъ, 24-го февраля 1908 года.

Сейчасъ острый моментъ для театральной провинціи,—снятіе театровъ на будущій сезонъ. Явленіе любопытное и характерное: въ былыя времена не хватало антрепренеровъ для всѣхъ театровъ; сейчасъ—не хватаетъ театровъ для всѣхъ антрепренеровъ. Въ былое время, случалось, 7 городовъ спорили изъ-за одного антрепренера, теперь, сплошь и рядомъ, 7 антрепренеровъ спорятъ изъ-за одного театра. Да что 7! За нижегородскій театръ спорили 30 антрепренеровъ. Явленіе это объясняется, однако, не перепроизводствомъ антрепренеровъ: ряды ихъ и сейчасъ скудны и неособенно многочисленны, но сосредоточеніемъ двухъ, а иногда и болѣе театровъ въ однѣхъ рукахъ. Сейчасъ мы не касаемся этого явления во всей его полнотѣ, оставляя за собою право вернуться къ нему, чтобы обсудить какъ положительныя, такъ и отрицательныя сго результаты, ибо, несомнѣнно, тутъ есть и то, и другое. Сейчасъ мы лишь отмѣчаемъ этотъ новый фактъ театральной жизни, примѣнительно къ порядку сдачи театровъ.

Совершенно естественно, что городскія управленія вызываютъ желающихъ „состязаться“ конкурентовъ. Чѣмъ тщательнѣе производится выборъ предпринимателя и чѣмъ шире кругъ лицъ, изъ котораго можно выбирать, тѣмъ, несомнѣнно, это выгоднѣе и лучше. Но насъ, признаемся, порою удивляетъ способъ опредѣленія городскими управленіями достоинствъ тѣхъ или иныхъ конкурентовъ. Въ мѣстныхъ газетахъ, сплошь и рядомъ, мы встрѣчаемъ ссылки на „рекомендаціи“ и „отзывы“, причѣмъ иные изъ этихъ отзывовъ и рекомендацій даже публикуются. Выходитъ похоже на наемъ прислуги съ аттестатомъ и личною рекомендаціею. Не знаемъ, доходитъ ли эта слабость къ рекомендаціямъ мѣстами до того, что у дверей управы прибито объявленіе: „безъ рекомендаціи просить антрепренеровъ не приходится“, но во всякомъ случаѣ, это немножко курьезно.

Изъ печатаемыхъ ниже въ извлеченіи подробностей о сдачѣ нижегородскаго театра мы видимъ, что театральный комитетъ сдѣлалъ запросъ общественнымъ управленіямъ тѣхъ городовъ, гдѣ означенныя лица держали или держатъ театры и въ Совѣтъ

Т. О. При этомъ въ отчетѣ газетъ мы находимъ слѣдующія загадочныя слова: „Совѣтъ Теат. Общества рекомендовалъ въ слѣдующемъ порядкѣ антрепренеровъ: Н. И. Соболевиковъ-Самаринъ (отказавшійся отъ заявленія), П. П. Медвѣдевъ, М. Т. Строевъ, А. М. Каралли-Торцовъ, П. П. Струйскій и г-жа Малиновская“. Мы ничего не можемъ сказать противъ кого либо изъ названныхъ почтенныхъ лицъ, зная ихъ многолѣтнюю антрепренерскую дѣятельность, но рѣшительно недоумѣваемъ, на какихъ вѣсахъ (и какія, въ частности, достоинства) взвѣшивалъ Совѣтъ Театрального Общества, устанавливая именно такой, а не другой порядокъ „постепенности“? Если сообщеніе газеты вѣрно, то, конечно, имѣется протоколъ засѣданія Совѣта, въ который и занесенъ „порядокъ рекомендацій“, и надо думать, ревизіонная коммисія этотъ достопримѣчательный документъ сдѣлаетъ достояніемъ гласности. Но каково бы ни было безпристрастіе Совѣта, неговоря уже объ его осторожности, едва ли возможно, а если возможно, то едва ли удобно, устанавливать лѣстницу рекомендацій. Трудно понять, почему г. Каралли-Торцовъ поставленъ выше г. Струйскаго, а г. Струйскій поставленъ выше г-жи Малиновской и пр.? Странно было-бы, если-бы Общество дѣлило своихъ дѣйствительныхъ членовъ на классы и разряды, а еще страннѣе, если-бы экспертиза пригодности антрепренера составлялась безъ соображенія съ программой требованій, которая выставляетъ городъ. О томъ, чтобы городскія управленія одновременно съ запросомъ излагали свои эстетическія требованія, мы что-то не слышали...

Нельзя не обратить вниманія еще на одну подробность. Заявленія поступили отъ 30 лицъ, а отзывы „въ порядкѣ постепенности рекомендацій“ приведены лишь въ газетѣ о 7—8 лицахъ. А между тѣмъ, просматривая списокъ, мы видимъ въ немъ почти сплошь членовъ Теат. Общ. Кромѣ достаточно извѣстныхъ старыхъ антрепренеровъ, среди конкурентовъ встрѣчаемъ представителей новыхъ художественно-театральныхъ теченій, какъ напимѣръ, баронъ Унгернъ-Штернбергъ, артистовъ и антрепренеровъ изъ интеллигентной молодежи, какъ гг. Михайловскій, Лебедевъ и пр. Что же, они всѣ не заслужили рекомендацій, или „порядокъ“ рекомендацій оказался такой, что газета сочла неудобнымъ упоминать „классъ рекомендаціи“?... По школьному выраженію, „рекомендація“ отвела имъ мѣсто на „Камчаткѣ“?

Мы особенно интересуемся этимъ вопросомъ, потому что иногда въ нашу редакцію также обращаются за отзывами. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ мы отвѣчали: „не знаемъ, кто вамъ именно нуженъ, и потому воздерживаемся отъ рекомендацій“. Совѣтъ Театрального Общества, очевидно, считаетъ „рекомендацію“ одной изъ функций „надзора“ за театрами, о чемъ, разумѣется, частныя учрежденія не смѣютъ и мечтать. Но здѣсь позволительно обратить вниманіе городскихъ общественныхъ управленій на то, что такое толкованіе функций Театрального Общества не раздѣляется огромнымъ большинствомъ его членовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ рядъ постановленій общихъ собраній. Во всякомъ случаѣ, это вставка чисто бюрократическаго свойства, результатъ явнаго стремленія превратить это „Общество“ въ чиновничій департаментъ. Удобно ли общественнымъ управленіямъ городовъ идти „бюрократическимъ путемъ“?

Вотъ почему мы склонны думать, что нижегород-

ская газета не точно передала характеръ отзыва. Именно, можно допустить, что „порядокъ рекомендаціи“ былъ установленъ какой-нибудь хронологическій (не алфавитный—это видно). Тогда дѣло другого рода. Въ нашемъ умѣ какъ-то не вяжется представленіе о Театральномъ Обществѣ ни съ представленіемъ о маклерѣ, ни съ представленіемъ о пробирной палаткѣ, ни съ представленіемъ объ Академіи Искусствъ. По крайней мѣрѣ, въ уставѣ объ этомъ не упоминается. Мы знаемъ далѣе, что московское коммисіонное бюро въ своихъ дѣйствіяхъ, согласно постановленію Совѣта, вполне правильно уклоняется отъ рекомендаціи актеровъ и ограничивается задачами посредничества. Было бы непослѣдовательно, уклоняясь отъ рекомендаціи актеровъ, оставить за собою право рекомендаціи антрепренеровъ, упразднивъ аттестаты актерскіе, вводя въ аттестаты антрепренерскіе по неизвѣстной намъ пяти или двѣнадцати-балльной системѣ, да еще и при отсутствіи программы, которую антрепренеру надлежитъ вызубрить.

Въ виду огромнаго интереса, который „порядокъ рекомендаціи“ имѣетъ для театральнаго міра, мы были бы очень обязаны нашему нижегородскому собрату, если бы онъ точнѣе указалъ, что за „порядокъ“ и по какой системѣ имѣлся въ отзывахъ Театральнаго Общества. Если же никакого другого порядка, кромѣ хронологическаго, не было, то и объ этомъ сообщить, дабы успокоить сценическій міръ...

По поводу назначенія Н. Д. Красова управляющимъ московскимъ бюро Т. О. мы получили слѣдующее письмо:

„Итакъ, Римъ сказалъ, и дѣло кончено... Вы правы. Но признаюсь, я не понимаю, зачѣмъ Совѣтъ такъ поторопился. Сохрани меня Богъ, что-нибудь имѣть противъ Н. Д. Красова. Онъ—очень порядочный, интеллигентный человѣкъ, честный антрепренеръ, а каковъ будетъ на новомъ мѣстѣ—можетъ показать только будущее. Вѣроятно, я первый подаль-бы за него голосъ. Но отчего было не выслушать мнѣніе актерской громады? Другое дѣло, если бы Н. Д. Красовъ сейчасъ-же вступилъ въ управленіе бюро, а то вѣдь г. Васильевъ до мая остается управляющимъ. Значитъ, спѣшить было незачѣмъ, и единственный мотивъ такой поспѣшности какъ будто тотъ, чтобы поспѣшнымъ назначеніемъ управляющаго бюро лишить сценическій міръ возможности высказаться о желательномъ кандидатѣ. Курьезно также, что, по слухамъ, Н. Д. Красовъ принимаетъ должность „въ видѣ опыта“ на одинъ сезонъ... Но если „въ видѣ опыта“, то, почему-бы не воспользоваться опытомъ, который другіе сдѣлаютъ нынѣшнимъ постомъ? Или этотъ опытъ заранѣе признается неудовлетворительнымъ? А впрочемъ, желаю Н. Д. Красову и Т. О. всякаго благополучія и успѣха въ дѣлѣ“.

Въ Петербургѣ проектируется театральная выставка. Устроители ея обратились, между прочимъ, въ Ярославль, родину Волкова, съ просьбою прислать на выставку имѣющіеся въ музеѣ Волкова предметы. Изъ отвѣта выяснилось, между прочимъ, что самое цѣнное — рукописи пьесъ, написанныхъ Волковымъ, хранятся въ парижской національной бібліотекѣ.

Вотъ, по истинѣ, неожиданность! Какъ очутились рукописи Волкова въ Парижѣ? Cur? quibus auxiliis? Мы знаемъ, что Бонапартъ, ограбивъ италіанскіе города, препроводилъ ихъ художественныя сокровища въ Лувръ. Но ни въ Ярославлѣ, ни въ

Петербургѣ онъ не былъ. Впрочемъ, каковы-бы ни были причины нахождения въ Парижѣ рукописей Волкова, казалось-бы, прямая задача выкупить ихъ оттуда...

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— Въ консерваторіи вывѣшено слѣдующее объявленіе: „совѣтъ старость упраздненъ, столовая закрыта“.

— „Ревизоръ“ на малороссійскомъ языкѣ въ 1-й разъ пойдетъ у О. З. Суслова 3-го марта.

— Намъ телеграфируютъ изъ Пензы: „17-го настрѣломъ въ 7 ч. вечера покончила съ собою артистка Ивановская, 19 лѣтъ. Труна“.

— Судьба театра Лит.-Худож. Общества продолжаетъ волновать умы актеровъ. Ходитъ множество версій; то говорятъ, что П. В. Тумпаковъ предлагаетъ большія деньги А. С. Суворову, то, что театръ будетъ сдана въ подѣлу гастроліи, но вмѣстѣ съ тѣмъ на половину сокращенная трупа будетъ продолжать драматическіе спектакли. Однако наиболѣе правдоподобная версія та, что вмѣсто Е. П. Карпова режиссеромъ будетъ Н. Н. Арбатовъ, что трупа (особенно вторые персонажи) значительно сокращается, а ученикамъ и ученицамъ школы будетъ предоставлено широкое участіе въ спектакляхъ.

— Въ Панаенскомъ театрѣ постомъ устраивается театральная выставка, которою завѣдуютъ Ю. Д. Бѣляевъ и В. В. Протопоповъ.

— Въ репертуаръ товарищества артистовъ Новаго театра предполагается включить комедію Уайльда „Незначительная женщина“.

— Образовавшиеся на развалинахъ антрепризы г. Винискаго товарищество опереточныхъ артистовъ, объявившееся было спектакли на Масляной недѣлѣ съ участіемъ г. Клементьева, не успѣло проявить своей дѣятельности, ибо первый же спектакль, 19-го февраля, пришлось отменить до поднятія занавѣса вслѣдствіе недоразумѣній съ администраціей театра. Публичнѣ (сборъ былъ 300 р.) выдавали деньги обратно.

— Заявленія о желаніи снятъ на будущій годъ подѣлу оперные спектакли Народный домъ подали, кромѣ теперешнихъ антрепренеровъ гг. Кирикова и Циммермана, еще гг. Фигнеръ и Клементьевъ.

— Г. Діевскій снялъ на лѣтній сезонъ театръ въ городѣ Псковѣ. Другой театръ въ Псковѣ, въ Кутузовскомъ саду снялъ А. С. Волинъ для фарса и небольшой оперетки.

— Л. Б. Яворская, закончивъ на Масляной сезонъ въ Тифлисѣ, отправляется съ труппой въ поѣздку по Западному краю.

— Ученицами покойной С. А. Малоземной учреждается въ Сиб. Консерв. стипендія ея имени по классу фортепіано.

— Въ Гунгербургѣ лѣтній театръ при кургаузѣ снятъ антрепренеромъ нарвскаго театра г. Грининимъ.

— Режиссеромъ въ лѣтній театръ „Эленъ“, гдѣ вопреки слухамъ будетъ драматич. труппа, приглашенъ Н. А. Шумилинъ.

— Баритонъ А. В. Смирновъ, піанистка К. Р. Жуковичъ и пѣвица г-жа Одинцова отправились въ концертное турнѣ въ города Нарву, Псковъ, Витебскъ и Смоленскъ.

— Вернулся изъ Монте-Карло Ф. И. Шаляпинъ.

— Изъ Мейнингена телеграфируютъ отъ 21 февраля: Въ придворномъ театрѣ вспыхнулъ пожаръ. Все злѣе объято пламенемъ.

Московскія вѣсти.

— Театральное бюро на время великаго поста переходитъ въ помѣщеніе бывшаго молдавскаго артистическаго клуба. Переѣздъ бюро состоится въ концѣ масляной недѣли.

— На Великій постъ Никитскій театръ сданъ подѣлу русскую оперетку, которую организуетъ нѣкая г-жа Величкина. Новая антрепренерша уже заручилась участіемъ Блюменталь-Тамарина, опернаго артиста Клементьева, Тамары и др.

— Занятія сѣзда режиссеровъ, созываемаго союзомъ сценич. дѣятелей, состоятся на 4-й и 5-й недѣляхъ поста въ помѣщеніи Литер.-Худож. Кружка, уступленномъ дирекціей бесплатно.

— Г. Нелидовъ, принятый въ Художественный театръ на окладъ жалованья въ 5,400 рублей, займетъ должность секретаря и администратора. Что же касается вопроса о вступленіи его въ число пайщиковъ, то рѣшеніе будетъ подлежать новому товарищескому договору, ибо въ текущемъ году заканчивается срокъ товарищескому договору пайщиковъ предпріятія. При возобновленіи договора предполагается внести въ него новыя условія, изъ которыхъ главнымъ является пунктъ о пріемѣ новыхъ пайщиковъ. Въ новомъ договорѣ вступающей можетъ быть принятъ съ согласія всѣхъ пайщиковъ безъ исключенія.

— Артисты Художественнаго театра открывают свое „кабарэ“. Называться онъ будетъ „Летучая мышь“. Помѣщеніе снято близъ храма Христа Спасителя. Учредителями-владельцами „кабарэ“ являются артисты Художественнаго театра, для которыхъ онъ и предназначенъ. Кромѣ того, ежедневно будутъ допускаться пять гостей изъ числа служащихъ театра и 10 человекъ постороннихъ, по запискамъ учредителей за очень высокую входную плату.

— Интернаціональный театръ на время поста снимаетъ акціонерная компанія съ В. Костомаровымъ во главѣ. Предполагается постановка оперетокъ и новаго обозрѣнія.

— Въ предстоящее лѣто будетъ работать только одинъ лѣтній садъ и театръ „Эрмитажъ“. Отъ аренды сада „Буффъ“ всѣ отказались.

* * *

† **А. М. Рябовъ.** 11-го февраля скончался послѣ непродолжительной болѣзни (скарлатина) артистъ труппы товарищества „новой драмы“, въ Костромѣ, Алексѣй Михайловичъ Рябовъ. Покойному едва исполнилось 25 лѣтъ.

* * *

† **В. Н. Караулова.** Я получилъ изъ Оренбурга тяжело поразившее меня извѣстіе: недавно умерла тамъ Вѣра Николаевна Караулова. Это скромное имя рѣдко кому извѣстно внѣ Оренбурга, но въ Оренбургѣ ее знали всѣ. Она была одной изъ самыхъ любимыхъ и популярныхъ учительницъ музыки. Неспособная ни къ саморекламованію, ни къ навязчивости, она жила исключительно на средства, добываемыя уроками—и, если имѣла ихъ много, то единственно въ силу своей общезвѣстной добросовѣстности въ преподаваніи и той особой сердечности, которая влечетъ къ себѣ людей и создаетъ между учителемъ и учениками своеобразную атмосферу взаимнаго уваженія, привязанности и любви.

Жизнь В. Н. Карауловой представляетъ тяжелую и глубокую трагедію. Съ внѣшней стороны трагедія началась съ самаго ея замужества (она была замужемъ за докторомъ Туфановымъ), которое продолжалось пять лѣтъ и было сплошнымъ мученіемъ. Ей удалось однако добиться развода, и съ тѣхъ поръ открылась возможность жить и работать самостоятельно. Но тутъ началась иная трагедія, коренящаяся въ самой основѣ характера Вѣры Николаевны. Это былъ человекъ до такой степени глубоко и несправимо вѣрящій въ людей, что никакіе самыя грубые обманы и разочарованія не могли погасить въ ней эту безконечную вѣру. Она не могла себѣ представить существованіе безъ вѣры въ людей. И вотъ благодаря именно этой чертѣ ея характера ей, какъ это всегда и бываетъ, пришлось въ теченіи всей ея недолгой жизни испытать столько ударовъ и потрясеній, что ихъ хватило-бы на двухъ человекъ. Ея просвѣщенные взгляды на искусство и жизнь не встрѣчали сочувствія среди провинціальной плѣсени общества, привыкшаго находить интересъ въ сплетняхъ, интригахъ и картежной игрѣ, и ея идеальное отношеніе къ людямъ вызвало въ нихъ только одно: желаніе самымъ безцеремоннымъ образомъ эксплуатировать лучшія стороны души Вѣры Николаевны. Рыцарски-благородная душа ея, сторицею отплачивавшая всякому за малѣйшее оказанное ей вниманіе, сначала даже не замѣчала, съ какой явной корыстью оказывалась ей какая-бы то ни было помощь даже самыми близкими ей людьми. Но эксплуатация росла все больше и больше. Люди, оказавшіе помощи на грошъ, требовали благодарности на миллионъ и считали себя въ правѣ вообще предъявлять самыя безграничныя требованія, а при малѣйшей попыткѣ Вѣры Николаевны противиться этой эксплуатациі грубо обвиняли ее въ неблагодарности. Насталъ моментъ, когда эта нѣжная, чуткая, всю себя отдававшая людямъ душа поняла, что около нея нѣтъ ни одного человека, который былъ-бы способенъ отнестись къ ней безкорыстно и душою понять все ея существо. Съ этого момента жизнь Вѣры Николаевны стала увядать, какъ цвѣтскъ, лишенный ухода. Нѣ и этого никто не хотѣлъ понять—и она, больная, исхудавшая, съ постоянными сердечными припадками, должна была по прежнему ѣздить по урокамъ, на которые, по ея выраженію, ее „гнали“ люди и обстоятельства. И въ послѣднее время каждый день приближалъ ее къ роковому концу... А она все еще улыбалась людямъ и была въ восторгѣ отъ каждого сказаннаго ей ласковаго слова! Вѣчная память бѣдной труженицѣ и чудному человеку!

Анатолий Кремлевъ.

* * *

Н. В. Салина, простившаяся 15-го февраля съ московской публикой и окончательно оставившая сцену, прослужила на сценѣ 20 лѣтъ. Н. В.—малороссіянка, родилась и выросла въ артистической семьѣ. Еще ребенкомъ познакомилась она съ трудной кочевой жизнью провинціального актера.

Маленькая Надя украшала своимъ именемъ афиши провинціальныхъ театровъ, тѣхъ, въ которыхъ служила ея мать. Всѣ роли дѣтей играла Н. В. Салина: Егорушку въ „Бѣдность не порокъ“, Петю въ „Испорченной жизни“.

Учасъ въ гимназіи, въ Иркутскѣ, Н. В. обратила на себя вниманіе своимъ голосомъ, отличавшимся необычайной красо-

Н. В. Салина.

(Къ прощальному бенефису).

той и силой. Ее опредѣлили въ петербургскую консерваторію, по классу пѣнія у профессора Эверарди. Во время пребыванія Салиной въ консерваторію въ Москвѣ открылся первый частный театръ С. И. Мамонтова. С. И. Мамонтовъ, присутствовавшій на экзаменахъ въ консерваторію, обратилъ вниманіе на голосъ Н. В. и пригласилъ ее въ свой театръ.

Прослуживъ болѣе двухъ лѣтъ въ Москвѣ, Н. В. отправилась въ Италію для усовершенствованія.

По возвращеніи въ Россію Н. В. Салина получила приглашеніе отъ дирекціи Императорскихъ театровъ пробютировать на сценѣ Большаго театра, и 21 декабря 1887 года выступила въ партіи Маргариты въ „Фаустѣ“ и имѣла большой успѣхъ.

На вопросы интервьюера „Руля“, почему Н. В. такъ рано покидаетъ сцену, Н. В. отвѣтила:

— У каждаго артиста бываетъ роковой моментъ, когда онъ теряетъ самокритерій. Я считаю, что лучше покинуть сцену немножко раньше, чѣмъ немножко позже; хотя мнѣ очень больно разставаться съ театромъ, съ которымъ связана половина моей жизни.

Прощаніе было очень трогательное. Было много телеграммъ, привѣтствій и подарковъ.

* * *

Оперный классъ курсовъ Рапгофъ далъ 17 февраля спектакль въ залѣ Благороднаго Собранія. Исполнялись отдѣльныя картины изъ разныхъ оперъ. Общее впечатлѣніе превосходное. Дѣло поставлено широко и серьезно. Школа имѣетъ собственный хоръ и оркестръ, отлично сыгравшіяся, подъ опытнымъ руководствомъ такого мастера своего дѣла, какъ г. Кленовскій. Среди учениковъ и особенно ученицъ есть и такіе, которымъ можно предсказать хорошую будущность на артистическомъ поприщѣ. Таковы: г-жи Арьянь и Брикъ (ученицы г-жи Мирской). У первой превосходный голосъ (лирико-драматическое сопрано), притомъ, хорошо поставленный. Поетъ она не безъ вкуса и съ темпераментомъ. Сцену у канавки („Пиковая дама“) она провела съ подъемомъ. Прекрасное впечатлѣніе произвела г-жа Брикъ въ роли Полины и ангела (въ „Демонѣ“). У г-жи Космачевской (Тамара—ученица г. Тартакова) благодарная сценическая внѣшность и небольшой, но мягкій по тембру голосъ. Ведетъ она роль осмысленно и съ увлеченіемъ. Какъ на недостатокъ пѣвицы слѣдуетъ указать на ритмическую неуверенность и шаткость мѣдума. Изъ учениковъ выдѣлился г. Поляевъ (уч. г. Нувель-Норди)—обладатель красиваго баритона, выказавшій въ роли Демона хорошую школу. Оркестръ, подъ управленіемъ г. Кленовскаго, игралъ увѣренно и стройно, подчиняясь всѣмъ намѣреніямъ своего дирижера.

И. Ки.

* * *

Новый балетъ „Эвнина“. Новый и притомъ по новому поставленный, — въ древне-античныхъ костюмахъ, а не традиціонныхъ газовыхъ тюникахъ. Въ постановкѣ видны вѣянія Дунканъ. Впрочемъ, когда балетъ въ первоначальномъ видѣ былъ поставленъ годъ тому назадъ, г-жа Дунканъ не была еще въ модѣ. Все новое интересно и заслуживаетъ вниманія, а балетмейстеръ г. Фокинъ поощренія, хотя танцы кордебалета заставляли желать лучшаго. Порою получалась толкотня на сценѣ и впечатлѣніе, что нагнали танцовщицъ лишь числомъ поболѣе.

Въ романѣ Сенкевича „Камо грядеши“ есть эпизодъ любви рабыни-гречанки къ арбитеру Петронію. Она, какъ извѣстно, объяснялась въ любви даже его скульпторному изображенію. Этотъ эпизодъ составляетъ вторую картину балета, въ первой фигурируетъ другая невольница Актея, влюбленная въ скульптора Кладію. Оба—Петроній и Кладій, не знаютъ о томъ, что они любимы. И Петроній спокойно даритъ Эшику Кладію въ награду за статую, т. е. Кладій отказался отъ цѣнныхъ подарковъ. Эшика, видъ себя, бросается на Кладію съ ножомъ, но ударъ на себя самоотверженно принимаетъ Актея, будучи ранена въ руку. Эшика осуждена на казненіе, и этимъ кончается первый актъ, а во второмъ все идетъ по Сенкевичу...

Трудно подобрать болѣе полнокровныхъ артистовъ къ античнымъ ролямъ Эшики и Актея, чѣмъ г-жи Павлова 2-я и Карсалина. Роли эти разные: Эшика мечтательная, грустная отъ тайной любви къ властителю Петронію и лишь въ концѣ радостная и торжествующая. Актея—живая, веселая, но въ рѣшительные моменты, полная драматизма. Напримеръ, въ финальной сценѣ 1-го акта. И вторая роль несколько, поэтому, не меньше первой, а по замыслу даже труднѣе.

Композитору г. Щербачену удалось отъбить и музыкой характеръ обѣихъ героинь. Петроній и Кладія играли лучшіе наши драматические балетные артисты г. Герльтъ и Булаконтъ. Оба элегантные, интересные по внѣшности, настоящие патриціи. Жаль, что статуя, изображавшая Петронія и поставленная на столъ съ красной скатертью, походила болѣе на французскаго гамана, чѣмъ на римлянина.

Ташии кордебалета интересны позыми, но несложны и не отличаются избыткомъ движеній. Судя по античной керамикѣ, гречанки и римлянки умѣли танцевать весьма живо и увлекательно. Туфель на ногахъ нѣтъ, такъ какъ современныхъ хореографическихъ трудностей продвигать не полагаются. Красивую позу это еще болѣе красиво, а некрасивую... некрасивую показывать не надо. Постановку балетные и хороши можно похвалить.

Вариация Эшики въ 1-омъ дѣйствіи, напротивъ, красива и колоритна. Г-жи Павлова и Карсалина танцовали хорошо, и такъ же играли.

Музыка Щербачева удобна для танцевъ и красива, по мѣстами жидко оркестрована, а solo для арфы очень ужъ напоминаетъ послѣдній актъ „Раймонды“. Но она все время идетъ за дѣйствіемъ, что весьма важно и даетъ требуемое настроеніе. Кромѣ упомянутыхъ номеровъ, красивы 1-ый выходъ Эшики и маршъ, подъ который занимаютъ мѣста Петроній со товарищи.

Въ томъ же благотворительномъ спектаклѣ шла 2-я картина „Жавотти“, гдѣ такъ хороша и интересна г-жа Преображенская. Данный зачѣмъ дивертисментъ былъ интересенъ, главнымъ образомъ тѣмъ, что передъ нимъ поссорились двѣ балерины на тему—кому выступать раньше и оба номера отъшлины. Публика много смѣялась, узнавъ о причинѣ ссоры.

Зритель.

* * *

Украинскій театр. 14 февраля состоялся бенефисъ директора труппы О. З. Суслона. Была поставлена новая пьеса „Черноморцы“. Сюжетъ, какъ всѣхъ вообще малороссійскихъ пьесъ, незамысловатъ: пьяница Кобыца, котораго превосходно исполнилъ самъ бенефициантъ, хочетъ жениться на дивчинѣ Марусѣ, которая въ свою очередь любитъ молодого казака. Мать употребляетъ всѣ старанія, чтобы выдать ее за Кобыцу.

Но на сцену является озорвенная Кобыцей дичина Кулина, роль которой была очень мило проведена г-жей Чарновской, и все измѣняется къ лучшему для обѣихъ сторонъ: Кобыца женится на Кулинѣ, а Маруся выходитъ за любимаго казака. Бенефицианту была устроена овация, онъ получилъ массу цвѣтвъ и цѣнные подарки отъ публики, отъ труппы и отъ оркестра. Манько сказалъ прочувствованную рѣчь.

15 февраля была поставлена „Цыганка Аза“. Преподходна г-жа Зарницкая въ роли Азы. Сколько страсти, безудержнаго веселья и глубокой тоски!.. Хорошо сыграть дурачка г. Клодницкій.

* * *

Малый театр. Для своего бенефиса г-жа Миронова выбрала пьесу французскаго драматурга Колюса „Любовь“, если не ошибаемся, поставленную на сценѣ Михайловскаго театра нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Выборъ этотъ трудно объяснить. „Любовь“ ничѣмъ не отличается отъ десятковъ другихъ французскихъ произведеній адюльтернаго характера. Можно поистинѣ удивиться постыжеству, съ которымъ французы переворачиваютъ и пережевываютъ этотъ вопросъ...

Антуанетта Собріе, красивая и добродѣтельная супруга крупнаго дѣльца—страстно полюбила молодого Рене Дансена. Неспособная измѣнить мужу—она рѣшила, пользуясь его отсутствіемъ, бѣжать съ Дансеномъ въ Америку. Но уходя изъ дома—она встрѣчаетъ неожиданно возвращающагося Собріе. Оказывается, что всѣ его широкія коммерческія предпріятія погнули—и онъ наканунѣ банкротства. У Антуанетты не хватаетъ духу покинуть несчастнаго, честнаго, обожающаго ее

человѣка и она остается съ мужемъ, но, побѣжденная отчаяніемъ и страстью Дансена,—отдается ему. Между тѣмъ Собріе долженъ немедленно внести огромную сумму—иначе ему грозитъ тюрьма. Богатый Дансень предлагаетъ ему эти деньги. Собріе, не зная сущности его отношеній къ женѣ по подозрѣнію истину—мучительно борется съ собою и соглашается принять отъ Дансена деньги только подъ условіемъ даннаго ему послѣднимъ честнаго слова, что онъ не бѣжитъ любовникомъ Антуанетты. Дансень, ради спокойствія любимой женщины, даетъ это слово. Но обморокъ Антуанетты, спрессованной мужемъ о томъ же—объясняетъ ему все. Онъ отказывается принять деньги, выгоняетъ Дансена и несмотря на полную готовность жены раздѣлится съ нимъ горькую участь застрѣливается.

Таково содержаніе пьесы; нѣсколько эпизодическихъ лицъ и положеній не дѣлаютъ ее интереснѣе. Правда, впрочемъ, образъ Гастона Доре, друга Собріе, безнадежно влюбленнаго любимаго его жену; роль эту прекрасно сыгралъ г. Діевскій. Г-жа Миронова выдержала и благородно провела роль Антуанетты. Особенно удалась ей третья дѣйствіе—сцена объясненія съ мужемъ въ присутствіи любимаго человѣка. Она имѣла большой успѣхъ, получила много подношеній; молодость забросала ее цвѣтами. Г. Брюнеттанъ-Тамаринъ (Дансень) слишкомъ малою для этой роли, требующей сложной психологической работы. У него было нѣсколько хорошихъ моментовъ—но цѣлаго впечатлѣнія онъ не далъ. Г-жи Собріе—одна изъ удачливѣй въ репертуарѣ г. Баратова. Его мы звали парашъ съ бенефицианткой. Недурна г-жа Мирова сестра Доре, влюбленная въ Дансена, особенно во второмъ дѣйствіи.

Второй пьесой шла солдатская сказка г. Бѣжецкаго „Солдатъ и чертъ“. Русскій солдатъ является въ легендарное государство, дворъ котораго одолеваетъ чертъ, и въ стремленіе трусинныхъ „бусурманъ“ побѣждаетъ бѣсовскія силы. Пьеса эта не лишена нѣкотораго національнаго самолюбиваго, но и смотрится легко, особенно въ масленичные дни... Публика смѣялась, глядя какъ г. Глаголинъ, соблазненный вѣрными лаврами г. Брашна и Коми, съ длиннымъ хвостомъ и рожками—прыгаетъ по сценѣ въ адекомъ даму и пламени... Г. Михайловъ былъ типичнымъ русскимъ „служивымъ“. Въ вѣрномъ, умѣренномъ тоѣ сыгралъ г. Бастуновъ стараго артиста, награждающаго русскаго героя своими обносками. Очень хорошъ г. Шмидтоффъ, съ тонкимъ, изящнымъ юморомъ проведшій роль придурковатаго лейтенанта Вурета. Граціозно-миловидна г-жа Вадимова—принцесса Шарлотта. Обѣ пьесы красиво поставлены г. Гловацкимъ. Очень удачны сѣтвые эффекты въ сказкѣ.

Зоя Бударова

* * *

Спектакль съ участіемъ П. В. Самойлова и В. Г. Юлиной, данный съ благотворительной цѣлью, въ Непомѣ театрѣ 17-го февраля, привлекъ массу публики и далъ поводъ къ восторженнымъ оваціямъ талантливому артисту, получившему и лавры, и цвѣты. Дѣлила съ г. Самойловымъ успѣхъ и г-жа Юлинка, которой также поднесена была цвѣточная корзина.

Давали драму Ибсена—„Призраки“.

Въ исполненіи г. Самойлова художественно реально, но безъ книжеческихъ подробностей, какими мучилъ зрителей г. Орленевъ, передается драма погибающихъ ума и души талантливаго Освальда, который несетъ на себѣ проклятіе насильственности, проклятіе разврата роднаго отца...

Регину, сестру Освальда по отцу, въ лицѣ которой природа побѣдила жестокой атавизмъ, надѣвшия ея здоровѣемъ матери-простѣлюдинки, жертвы „господской“ развратной прихоти, колоритно играла г-жа Юлинка; къ ней очень шель національный скандинавскій костюмъ, а въ заключительной сценѣ артистка обнаружилла живой темпераментъ.

Роль фру Альвингъ сыграла г-жа Любарская; ей недоставало трагическаго вдохновенія.

* * *

Анваріумъ. Многочисленные поклонники Вѣнской оперетки были очень разочарованы, узнавъ, что общая любимица Бетти Стоянь—заболѣла и едва ли выступитъ въ этомъ сезонѣ. Въслѣдствіе этого сборы сильно пали и только мелодичная и граціозная вещица Оскара Штрауса „Ein Walzertraum“ относительно привлекала публику. Между тѣмъ оперетка подъ дирекціей г. Целлера заслуживаетъ большаго вниманія. Кромѣ знакомаго Петербургу г. Штейнберга—крупныхъ силъ въ труппѣ дѣйствительно не имѣется, но есть свѣжіе голоса—г-жа Виртъ (лирическая) и г-жа Штрейтеръ (наскандная). Послѣдняя, благодаря своей заразительной шаловливой веселости, выкупающей отсутствіе сценическихъ данныхъ—успѣла уже завоевать нѣкоторыя симпатіи. Оркестръ недетса музыкально, а хоры и совѣтъ недурны.

Съ гастролями Юліуса Шнильмана сборы сразу поднялись. Г. Целлеръ сдѣлалъ крупную ошибку, не пригласивъ этого даровитаго и интереснаго артиста на весь сезонъ. „Король опереточныхъ теноровъ“ счастливымъ образомъ соединяетъ въ себѣ рѣдкую музыкальность съ тонкой, сценической интерпре-

тацей. Блестящій Данило въ „Веселой вдовѣ“, изящный графъ въ „Widenezblut“—онъ все-таки особенно понравился намъ въ роляхъ съ болѣе серьезными, вокальными требованиями и драматическимъ элементомъ. Истинное наслажденіе доставилъ г. Шпильманъ въ мелодично-поэтической „1001-ой ночи“ Штрауса, гдѣ одинаково художественно и чрезвычайно разнообразно провелъ обѣ роли—принца и рыбака. Въ этой же опереткѣ мила г-жа Виртъ—Лейла и уморителенъ г. Штейнбергеръ, незамѣнимый куплетистъ. Последней новинкой явилось у вѣнцевъ произведеніе Лео Ашера „Графъ нищій“. Мало интересная въ музыкальномъ отношеніи, она имѣла успѣхъ благодаря занимательной фабулѣ (въ духѣ „Шерлока Холмса“) и превосходному исполненію г. Шпильманомъ главной роли, въ которой артистъ изобразилъ чуть ли не всю гамму человѣческихъ чувствованій. Милая сцена его съ сыномъ, (прелестна малышка Вальтерсъ), гдѣ графъ простымъ рабочимъ случайно попадаетъ въ домъ своей жены—растрогала даже холодную Акварумскую публику. Г-жа Шрейтеръ искренно и живо сыграла влюбленную въ графа, нищенку Джесси; она хорошо танцуетъ. Забавенъ г. Штейнбергеръ—президентъ американскаго клуба нищихъ. Первое представленіе соорало полныи залъ; г. Шпильмана шумно и единодушно вызывали.

Слабѣе прошла „Прекрасная Елена“, что вполне понятно, ибо характерныя особенности искрещаются, французскаго легкомыслія—недоступны тяжелому, германскому міропониманію.

Зоя Бухарова.

* * *

Второй выпускной спектакль драматическаго класса А. А. Санина на курсахъ г. Поллакъ, въ театрѣ „Ксмедія“, 19-го февраля, хотя и былъ, въ общемъ, менѣе удаченъ, чѣмъ первый, но все же отлично рекомендовалъ талантливаго преподавателя. Кромѣ уже отмѣченныхъ мною ранѣе г-жи Греминой и г-г. Реутова и Соболева, несомнѣнно имѣющихъ хорошую сценическую будущность, выгодно выдѣлились еще ученицы г-жи Свѣтлова и Полевая.

Г-жа Гремина—готовая артистка, она дала характерный образъ Эльзы въ „Божъ бабочекъ“ Зудермана, въ ея игрѣ много жизненной яркости. Напрасно артистка, одаренная благодарной наружностью, рѣзко гримируется.

Г-жа Полевая, въ роли Розы, играла безъ достаточнаго богатства интонацій, но исполнительница обладаетъ подкупающей простотой, ея исполненіе было трогательно, граціозно, давало иллюзію чистоты юной души. У артистки милое, симпатичное лицо, съ ласковыми, печальными глазами.

Г. Реутовъ, сухой и скучный Уриэль Акоста, роль Кесслера въ пьесѣ Зудермана игралъ хорошо. И рѣчь и жесты изобилуютъ характерными деталями. Но сильная драма—не дѣло ученика.

Г. Соболевъ одаренъ прекраснымъ голосомъ, у него много теплоты, видно пониманіе роли, но игра недостаточно разнообразна. Это резонеръ, благородный отецъ, драматическій простакъ; но для ролей, требующихъ внутренняго подъема, темперамента пока не хватаетъ.

У г-жи Свѣтловой звучный голосъ, она свободно (даже слишкомъ иногда) держится на сценѣ, въ ея игрѣ много оживленія, вообще видна даровитая натура, но роль Занетто въ „Прохожемъ“ Коппе сыграна была не стилино, это былъ современный вульгарный „лаццарони“, а не поэтическая фигура эпохи возрожденія, нельзя стихи читать какъ прозу, въ этомъ повинна и г-жа Валевская, блѣдная Сильвія, удовлетворительное впечатлѣніе производитъ г-жи Владимірова, Граменицкая. Г-жа Гордель—грѣхъ г. Санина, у нея нѣтъ данныхъ для молодыхъ драматическихъ ролей.

Н. Тамаринъ.

* * *

Вечеръ Современной Музыки. Интересъ послѣдняго вечера Современной Музыки сосредоточился на участіи пианистки Бланшъ Сельва. Г-жа Сельва художественно-музыкальное образование получила подъ руководствомъ Венсана д'Энди и теперь заѣздуетъ высшими курсами фортепьянной игры въ Парижской Schola Cantorum. Своей артистической извѣстностью она обязана устраиваемыми ею историческими концертами. Одному Баху было посвящено ея около 30 вечеровъ. Въ послѣднее время она очень удачно концертировала въ Лондонѣ, продуцируя ново-французскую музыку. Какъ исполнительница, Сельва не блещетъ внѣшностью своей игры, за то ея серьезная и вдумчивая манера исполненія обнаруживаетъ высокой художественно развитый музыкальный вкусъ и тонкое пониманіе современнаго творчества. Будучи знакома лично съ авторами исполняемыхъ произведеній, она восприняла характеръ ихъ творчества и своеобразный новый музыкальный стиль. Последній своей изысканностью, волей неволей, заставляетъ прибѣгать артистку къ сравнительно медленнымъ темпамъ, чтобы быть ясно воспринятой и понятной публикѣ. Эта относительная нивелировка темповъ временами производитъ не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе. Съ другой стороны, интересъ исполняемаго, красоты новыхъ созвучій подкупаютъ каждого, кто слѣдитъ за музыкальнымъ прогрессомъ, кто любитъ новизну звуковыхъ образовъ. Въ данномъ вечерѣ главное вниманіе сосре-

доточилось на новой фортепьянной сонатѣ Венсана д'Энди и фортепьянной сюитѣ его ученика Северака „Въ Лангедокѣ“, рисующей рядъ настроеній и картинъ природы. Искренне написанная соната въ новыхъ музыкальныхъ краскахъ проникнута мрачнымъ, даже тяжелымъ настроеніемъ. Порою въ ней чувствуются значительныя длинноты. Въ сюитѣ Северака рѣзкія гармоническія сочетанія очень деликатно истолковываются г-жей Сельва, умѣющей выдѣлать главный простой рисунокъ, не заслоняя его изысканно прямыми деталями. Понравились части: „На лошади въ степи“ и „Уголокъ кладбища весной“. Въ общемъ, это лучшее произведеніе Северака. Въ концѣ артистка исполнила ритмически пикантныя андалузскія пѣсни и танцы, въ переложеніи испанца Альбеница. Дружные апплодисменты заставили даровитую пианистку и рать много на bis, главнымъ образомъ изъ Баха. Очень свѣжо прозвучала юношеская ея фуа на тему „Почтальонъ“, никогда не исполнявшаяся у насъ.

Въ виду предполагававшагося пріѣзда въ Петербургъ Венсана д'Энди (въ дѣйствительности онъ не пріѣхалъ) вторично въ этомъ сезонѣ былъ сыгранъ 2-й струнный квартетъ этого композитора. На этотъ разъ онъ звучалъ значительно лучше, особенно выдвинулись средняя части. Исполнители—Завѣтновскій, Белингъ, Піорновскій и Петровъ—имѣли успѣхъ.

В. С.

* * *

Концертъ вѣнскаго пианиста Гальстона привлекъ много публики. Но это была исключительнo серьезная часть нашихъ музыкальныхъ круговъ, для большой же публики концертъ прошелъ почти незамѣченнымъ. А между тѣмъ, Гальстонъ имѣетъ всѣ данныя, чтобы сдѣлаться любимцемъ широкихъ массъ. У него мощный ударъ, безукоризненная техника, блескъ исполненія и яркій темпераментъ. Интересно составленная программа, преимущественно изъ классиковъ, способна заинтересовать каждаго слушателя своими рѣдко появляющимися шедеврами музыкальной литературы. Какъ въ первомъ концертѣ гвоздемъ вечера явились любимѣйшія варианці Брамса на тему Паганини, такъ во второмъ привлекли всеобщее вниманіе превосходнѣйшія транскрипціи Бузони баховскихъ произведеній: органныхъ прелюдій и органной фуги. Верхъ мастерства—переложеніе извѣстной чаконны для одной скрипки Баха. Примитивы скрипичныхъ штриховъ вылились на фортепьяно въ грандіозныя формы, поражающія массивностью и разнообразностью средствъ выраженія и, въ то же время, сохраняющей въ себѣ всѣ характерныя особенности скрипичныхъ пассажей. Къ баховской музыкѣ тяготеетъ влеченіе Гальстона, одухотворяющаго всѣ линіи контрапунктскаго творчества. Въ произведеніяхъ Листа пианистъ держался въ болѣе свободныхъ рамкахъ исполненія, прибѣгая къ импрессионистски-импровизаціонному характеру игры. Ему удалось Canzonetta del Salvatore Rosa, Spozalizio и бравурныи вальсъ Мефисто, въ новомъ труднѣйшемъ переложеніи Бузони. Здѣсь артистъ блеснулъ своей техникой, съ легкостью преодолевая всѣ техническія препятствія. Въ заключеніе Гальстонъ сыгралъ 12 этюдовъ Шопена съ той же законченностью художественной передачи. Симпатіи публики возростали съ каждымъ номеромъ. Концертантъ много биссировалъ въ концѣ.

В. С.

* * *

Камерный вечеръ учащихся въ СПб. Консерваторіи познaкомилъ публику съ квартетомъ М. Штейнберга, ученика Римскаго-Корсакова. Авторъ обнаружилъ солидное владѣніе техникой музыкальнаго письма и изысканный вкусъ. Всѣ части новаго произведенія написаны со знаніемъ камернаго стиля и хорошо звучатъ. Лучшая часть Andante, гдѣ много тонкой филигранной работы.

Во второмъ Allegro интересна средняя часть. Музыка носитъ немного подражательный характеръ. Исполнителями явились ученики Ауэра (Мѣстечкинъ, Боосъ, Фишбергъ и Степинскій), отнесшіеся весьма старательно къ своей задачѣ. Мееровичъ и Пышковъ, по классу проф. Есиповой, хорошо передали Фантазію Рахманинова для двухъ роялей. Недурно исполнили виолончельную сонату того же автора ученикъ Вержбиловича, Семеновъ. Изъ гѣвѣцъ обратили на себя вниманіе Гонтарукъ и Яковлева, красиво спѣвшія два дуэта: Аренскаго „Двѣ розы“ и Даргомыжскаго „Дѣвицы красавицы“.

В. С.

* * *

За границей.

Въ Вѣнѣ скончалась на 68 году жизни Паулина Лукка—прославленная пѣвица, стяжавшая себѣ грсмкую извѣстность и въ Старомъ, и въ Новомъ Свѣтѣ.

Въ теченіе тридцати лѣтъ Паулина Лукка пожинала лавры знаменитой пѣвицы на сценахъ Вѣны, Берлина, Лондона, Петербурга, Москвы, Нью-Йорка и т. д. до Австраліи включительно. Одаренная выдающимся голосомъ (сопрано), Паулина Лукка соединяла въ себѣ и выдающійся талантъ актрисы.

Письма въ редакцію.

М. г. По поводу письма Ф. А. Корша, въ № 7 журнала „Театръ и Искусство“, считаемъ долгомъ сообщить Вамъ слѣдующее постановленіе „Кружка драматурговъ“, состоявшееся въ собраніи Кружка 10 февраля 1908 года:

„Прійидя къ заключенію, что способъ расплаты съ драматургами, практикуемый въ театрѣ Корша, крайне не выгоденъ для авторовъ, „Кружокъ драматурговъ“ постановилъ: отплатить пьесы г. Коршу за определенное вознагражденіе, помимо авторскаго гонорара, уплачиваемаго въ одно изъ обществъ.“

Постановленіе это подписано 25 членами Кружка.

Предсѣдатель бюро „Кружка“ *И. Цитанинко.*

Члены бюро: *В. Протопоповъ,*

В. Турошескій.

М. г. Въ № 2 Вашего журнала за 1908 г. помѣщена замѣтка „Старога театрала“ о кишинемскомъ театрѣ, содержаніе которой насъ, нижеподписавшихся постоянныхъ посетителей кишинемскаго театра, сильно удивило.

Кишинемецъ онъ повидимому настолько недалекъ, что не только о Кишинѣ, но и о труппѣ, о которой онъ пишетъ, его представленіе, по меньшей мѣрѣ, очень не полно. Начать съ того, что Кишинма городъ настолько театраленъ, что здѣсь уже десять лѣтъ существуетъ музыкально-драматическій кружокъ имени Островскаго, выдержавшій нѣсколько сезоновъ исключительно любительскими силами, каковыхъ въ Кишинѣ достаточно и даже не заурядныхъ; разобратъ же въ театрѣ Кишинма можетъ и разобратъ строго, что и не мудрено.

Дѣйствительно вѣрно, что Кишинма городокъ малышкій— всего 10,000 жителей и зало театральное своимъ размѣрами соответствуетъ городу—полный сборъ всего около 300 руб., чѣмъ шлоуѣ и объясняется то обстоятельство, что играющія здѣсь труппы принуждены пользоваться услугами любителей, такъ какъ большой труппы, какъ-бы ни были хороши пріемоченныя въ нея силы, не имѣющія теперь работы, городъ выдержать не можетъ.

Малое знакомство г. Старога театрала съ кишинемской труппой особенно ярко сказалось въ его отзывахъ объ отдѣльных артистахъ *).

Поскольку постановка режиссера г. Лазарева „сплошной крисъ“, намъ, публикѣ, не бывающей на репетиціяхъ, неизвѣстно, по результатъ этой работы—на спектакляхъ много раздалась намъ публикѣ полное удовлетвореніе. Намъ, профанамъ, непонятны „теюшенское дѣло“ и „индюханія“, но наше удовлетвореніе труппой мы выразили тѣмъ, что при полномъ сборѣ въ 300 рублей, въ текущій сезонъ подняли сборы въ среднемъ за спектакль до 160 руб. противъ 100 руб. прошлаго и 60 руб. позапрошлаго года и единогласный отзывъ публики, что такой прекрасной труппы у насъ нигде не бывало и лучшей трудно ожидать и въ будущемъ. (Слѣдуетъ 25 полнисиѣ) **).

М. г. Обращаюсь къ Вамъ съ просьбой помѣстить эти строки.

По дѣлу моей пермской антрепризы 1906 г. ко мнѣ предъявлены требованія неустойки со стороны артистовъ Чайковской, Соколова, Кузнецова и Холачука. Не зная ихъ адресовъ, я позволяю себѣ обратиться къ нимъ съ покорнѣйшей просьбой взглянуть на свои требованія съ товарищеской нравственной точки зрѣнія. Изъ 150 лицъ, подписавшихъ со мной договоры, только вышеупомянутыя лица не пожелали считаться съ тѣмъ, что я имѣлъ на своей сторонѣ нравственное право. Въдъ г. Холачуку прекрасно извѣстно, что нижегородскій крестьянскій банкъ посулилъ мнѣ за проданный ему участокъ земли 10,000 р.; тогда какъ онъ по двумъ официальнымъ оцѣнкамъ стоилъ 20,000 р., а участокъ этотъ я продавалъ только для опернаго предпріятія и стоилъ онъ мнѣ 22,000 р. Цѣну эту охотно дали бы мнѣ крестьяне, если бы ея не получили, что земли дадутъ имъ даромъ. Съ этого и начались мои бѣды: никто въ Россіи подѣ землю денегъ тогда не хотѣлъ давать, а изъ залога, даннаго г. Стросву мною, онъ не далъ ничего. Г. Васильевъ не принялъ 1,500 р. на авансы, хору и оркестру. А. Е. Молчановъ (2 ред.) обѣщаль 1000 р., если соорганизуется товарищество и оно составилось. Бюро потребовало отъ меня отреченія въ пользу товарищества, я под-

* Слѣдуютъ примѣры, которые мы выпуска

** Настоящему Письму, вопреки принятому у насъ правилу, даемъ мѣсто лишь потому, что авторъ корреспонденціи изъ Кишинмы не принадлежить къ числу постоянныхъ корреспондентовъ, а также потому, чтобы насъ не заподозрили въ желаніи дискредитировать товарищество, организованное Союзомъ Сц. д.

Прим. ред.

писать бумагу, значить, фактически уже было не мое дѣло, а товарищеское, въ участіи и г. Холачука. А почему, напр. товарищеско черезъ нѣск. дней послѣ этого акта подписано договоры на службу въ Витебскъ этого я не знаю, и меня винить въ этомъ невозможно.

Кромѣ того, и сумма неустойки определена г. Холачукомъ не правильно, т. к. онъ получаль отъ меня при двухъ свидѣтеляхъ нѣкоторую сумму денегъ 22 авг. 1906 г. въ „Марселіи“.

Артистъ *И. Оравъ.*

16 февр. 1908 г.

Пѣправка. Исправляемъ погрѣшности, вкраившюся въ замѣтку „Маленьк. Хр.“ въ № 6 (объ авторскомъ вознагражденіи въ театрѣ Корша); по ошибкѣ не указана сумма 500 руб. взятаго авторомъ аванса, почему и получилась названная недоумѣнная фраза: „остается... ему должень 260 руб!“ Ксати прибавимъ, что въ эту сумму не входитъ поактивный авторскій гонораръ.

Малехьякая хрохика.

*** Въ Парижѣ, въ театрѣ Режанъ, поставили „Ренизора“. Сама Режанъ въ спектакль не участвовала, но она выступила въ „конференціи“, которая предшествовала представленію. Пьеса мѣстами смахивала на фарсъ. Въ этомъ смыслѣ очень стралались актеры, игравшіе Вобчинскаго, Добчинскаго и Шнекина. Обстановка была довольно курьезна. Couleur locale представляли традиціонная шкона на стѣнкѣ и самоваръ на столѣ.

*** И. Л. Щегловъ, въ день 19 февраля, припоминаетъ въ „Слоуѣ“ спектакль 1862 г. въ Александринскомъ театрѣ, на которомъ онъ присутствовалъ 7-лѣтнимъ мальчикомъ. Пьеса называлась „Было да прошло“. Героиня ея, Елена, получила нѣдольнъ свѣтское воспитаніе, по своему крѣпостному положенію, числится „дворовой дѣшкой князя Оршенскаго“ и, при первомъ же столкновеніи, ее безъ всякой церемоніи отправляютъ обратно, въ деревню, къ „своему барину“... Елена снова превращается въ крѣпостную „Аленушку“ и мѣняетъ бальное платье на сарафанъ и кокошникъ. Но тутъ является защитникъ въ лицѣ влюбленнаго въ нее Волынскаго, который предлагаетъ Еленѣ не только свое сердце, но и свою руку. „Помню пишетъ г. Щегловъ, — характерная концѣ акта:

Князь недоумѣваетъ и возмущается, слыша, какъ Волынскій говоритъ Еленѣ все время „вы“.

— Не сонешь ли я съ ума обращаюсь князь къ Волынскому;— ты говоришь ей „вы“! Да кто она по твоему?.. Кто она?

— Кто она? Она... *женищина!*— торжественно провозглашаетъ Волынскій и занавѣсъ падаетъ подѣ громъ аплодисментовъ.

Курьезъ, однако, не въ этомъ, а въ томъ, что эта „единственная“ пьеса, въ которой отразился актъ 19 февраля (на сценѣ Елена читаетъ манифестъ),—оказалась... перекрѣпкой В. И. Радиславскаго и О. О. Новицкаго комедіи нѣмца Вильгельма Вольфсона: „Nur eine Seele!“

Да, это „рекордъ“!

*** Мы получили небольшую брошюрку „Гражданскій бракъ“, представляющую „изложеніе съ татарскаго“ пьесы „Альдямъ-бирдымъ“. Судить о пьесѣ по либретто трудно, но тема затронута любопытная: преимущество „гражданскаго брака“. Очевидно, эта тема допустима только на татарскомъ языкѣ и только ad usum мусульманіа.

Приводимъ одну ремарку. „Все семейство Шакировыхъ страдаетъ ревматизмомъ ногъ“. Совѣмъ „стилизация“ а la Мейерхольдъ..

*** Составился (если не ошибаемся, по инициативѣ М. А. Стаховича) особый комитетъ по устройству всероссійскаго чествованія Л. Н. Толстого. Какъ устроился этотъ комитетъ—объ этомъ говорить не будемъ, хотя сказать бы можно было много. Но вотъ курьезъ перваго же засѣданія, о которомъ много говорятъ въ литературныхъ кружкахъ. Едва начали обсуждать порядокъ и характеръ чествованія, какъ „мирообновленецъ“ М. А. Стаховичъ возбудилъ вопросъ о томъ, почему де въ самомъ наименованіи пропущено слово „графъ“, а сказано просто Л. Н. Толстой. Со всѣмъ краснорѣчіемъ, г. Стаховичъ требоваль своего „графа“. Возникли „горячія“ пренія, затѣмъ вопросъ былъ поставленъ на баллотировку, и большинствомъ 10 голосовъ противъ 9 рѣшено сохранить титулъ.

Для слѣдующаго засѣданія рекомендуемъ вопросъ: надо ли писать на конвертахъ „его сіятельству графу Л. Н. Толстому“ или же просто „графу“?

* * * Въ „Минскомъ Словѣ“ находимъ слѣд. анонсъ:

„Бенефисъ и 10-лѣтній юбилей сценической дѣятельности главнаго режиссера Я. А. Славскаго. Представлено будетъ „Эросъ и Психей“. Въ этотъ спектакль публика будетъ имѣть возможность наблюдать и ознакомиться съ тѣми трудностями, которыя приходится одолевать при перестановкѣ декораціи. Для того, чтобы дать публикѣ возможность ознакомиться со сценической техникой, всѣ перемѣны декораціи будутъ совершаться при открытомъ занавѣсѣ, такъ что публика, сидя на своихъ мѣстахъ, будетъ все видѣть“.

Кому выдать призъ за изобрѣтательность—справляющему 10-лѣтній юбилей сцен. дѣятельности, главн. режиссеру г. Славскому или антрепренеру Е. А. Бѣляеву?..

*** Мы получили изъ Кременчуга афишу мѣстной драматической труппы при слѣд. письмѣ:

„Какъ курьезъ безграмотности и невѣжества театральныхъ заправилъ посылаю афишу-анонсъ о бенефисѣ даровитаго И. В. Колосовскаго. Почтенный артистъ заболѣлъ отъ ужаса и огорчился, прочтя этотъ анонсъ“.

Вотъ этотъ анонсъ: „Представлено будетъ „Иудушка“, ком. въ 5 д. извѣстнаго драматурга А. А. Потѣхина, авторъ пьесъ: „Нищіе духомъ“, „Посатиръ“, „Салтыкова“, „Щедрина“, „Гг. Головленны“, одобренны знаменитымъ сатирикомъ“.

* * * Газета „Рулъ“ цитируетъ изъ № 4 „Русск. Арх.“ отзывъ о театрѣ, данный ученикамъ вологодской духовной семинаріи преподавателемъ ея о. Николаемъ.

На вопросъ учениковъ, что такое „позорищная“, о. Николай отвѣтилъ имъ слѣдующее:

„Дѣти мои, бойтесь театра и искушеній его: „позорищная“—это участница въ цирковыхъ играхъ, а также театральная актриса... Но только,—спохватился о. Николай,—отнюдь не артистка Императорскихъ театровъ. Онѣ всѣ не позорищныя, такъ какъ состоятъ на государственной службѣ“...

Правильно...

По Провинціи.

Астрахань. „Союзниками“ послана телеграмма о запрещеніи постановки пьесы „Всѣхъ скорбящихъ“.

Житомиръ. Городской театръ сданъ Е. А. Бѣляеву на 3 года.

Казань. Въ виду окончанія срока аренды г. Соболевско-вымъ-Самариннымъ городского театра 15 іюля 1909 г., театральная коммисія въ послѣднемъ своемъ засѣданіи постановила вызвать антрепренеровъ, желающихъ арендовать казанскій театръ на будущій срокъ. Коммисія высказала пожеланіе, чтобы опера и драма шли одновременно, и рѣшила отлатъ предпочтеніе тому конкуренту, который могъ бы согласиться на эту комбинацію.

Кишиневъ. Театръ Благороднаго собранія сданъ на будущій сезонъ вновь г. Бискеру.

Кіевъ. Со 2-ой недѣли поста въ театрѣ „Соловцовъ“ начнутся спектакли вѣнской оперетки съ г-жею Бетти Стоянъ.

— Г-жа Кавецкая приглашена антрепренеромъ польской опереточной труппы г. Мышковскимъ на нѣсколько спектаклей.

Красноярскъ. Намъ пишутъ: „Имущество уѣхавшей внезапно изъ города г-жи Отрадиной, находящееся въ зданіи театра, опечатано полиціей. Какъ говорятъ, г-жа Отрадина понесла 12,000 руб. убытка и, если-бы не внезапная смерть ея мужа въ Петербургѣ, отъ котораго она получала аккуратно деньги на покрытіе дефицита, она довела-бы сезонъ до конца. Теперь работаетъ товарищество“.

Минскъ губ. 15-го февраля прошелъ „Король“ С. Юшкевича.

Николаевъ. Драматическая труппа А. М. Каралли-Торцова заканчиваетъ сезонъ 24 февраля. На смѣну ей пріѣзжаетъ опереточная труппа г. Дмитріева.

— А. М. Каралли-Торцовъ организуетъ поѣздку по Крыму, начиная съ Пасхи. Первымъ по маршруту избранъ Севастополь.

Николаевъ—Херсонъ. Въ Николаевѣ театръ снятъ на будущій сезонъ г. Михайловскимъ, въ Херсонѣ—г. Лебедевскимъ. Гг. Михайловскій и Лебедевъ будутъ вести дѣло совмѣстно въ обоихъ городахъ.

Н. Новгородъ. Въ нынѣшнемъ году театральны комитетъ произвѣдилъ выборы антрепренера при условіяхъ, совершенно несходныхъ съ прежними. Исторія съ выборами антрепренера затянулась на продолжительное время, ибо о каждомъ претендентѣ,—а ихъ было болѣе 30—театральны комитетъ навелъ справки у театральныхъ комиссій по мѣсту послѣдней антрепризы каждаго претендента и—что совсѣмъ ново—обращался за справками въ Совѣтъ Т. О.

Въ „Волгарѣ“ читаемъ:

„Совѣтъ Театральнаго Общества рекомендовалъ въ слѣдующемъ порядкѣ антрепренеровъ: Н. И. Соболевско-вымъ-Самаринъ, П. П. Медвѣдевъ, М. Т. Строевъ, А. М. Каралли-Торцовъ, П. П. Струйскій и г-жа Малиновская“.

А вотъ полный списокъ претендентовъ на городской театръ:

Князь И. В. Мамлѣвъ-Погуляевъ, А. А. Левицкій, Елизавета Ризъ, Я. Л. Лейнъ, баронъ Р. А. Унгернъ-Штернбергъ, Н. И. Соболевско-вымъ-Самаринъ, А. И. Тунковъ, М. Н. Голицынъ, О. Н. Гининъ, П. П. Медвѣдевъ, В. А. Крамоловъ, С. М. Колосовскій, Н. Д. Лебедевъ, М. Н. Строителевъ, О. В. Арди-Свѣтлова, И. А. Раковскій, А. Т. Сила Новицкая, С. И. Крыловъ, Н. Д. Кручининъ, М. Т. Строевъ, А. Т. Полякова, С. А. Трефиловъ и С. Т. Ефимова, З. А. Малиновская, В. И. Никулинъ (запросъ о немъ и отвѣтъ Т. О., вполне благоприятный, нѣсколько запоздалъ), А. І. Торскій, Н. Н. Михайловскій, М. Н. Мартовъ, П. П. Струйскій, Н. Д. Лебедевъ и М. А. Михайловъ, Н. В. Вашировъ, Е. Д. Тихомірова, М. М. Бородай.

Театральны комитетъ представилъ кандидатовъ изъ лицъ, подавшихъ заявленія — П. П. Медвѣдева, г. Никулина, Д. И. Васманова, г-жу Малиновскую, Коралли-Торцова, г-жу Тихомірову и Струйскаго.

Имѣлось еще въ виду включить г. Строева въ число первыхъ кандидатовъ, но телеграмма, посланная ему въ Пермь, оказалась недоставленной, за выѣздомъ г. Строева, и кандидатура послѣдняго на совѣщаніи не была подвергнута обсужденію.

П. П. Медвѣдевъ избранъ единогласно.

Полтава. 11-го февраля, около 2 часовъ дня, лѣтній театръ, что въ Корпусномъ салу, не выдержалъ громадной массы снѣга и рухнулъ, уцѣлѣлъ только передній фасадъ зданія.

Рига. „Пробужденіе весны“ снова разрѣшили къ постановкѣ. На масляницѣ пьеса прошла у К. Н. Незлобина 3 раза.

Изъ новыхъ пьесъ въ репертуаръ масляной недѣли включены „Розы“ Г. Зудермана.

Ростовъ-на-Дону. Въ оперной труппѣ Н. В. Мендельштама, снявшаго мажонкинскій театръ на Великій постъ, въ первой половинѣ поста въ качествѣ гастролеровъ будутъ выступать г-жа Брунъ, тенора—гг. Каржевинъ и Винченцо Кополло и баритонъ г. Каміонскій. Кромѣ нихъ въ составъ труппы входятъ сопрано—г-жа Михайловская, меццо-сопрано—г-жи Каренина, Ковелькова и Калинина, теноръ г. Чаровъ, баритоны гг. Томскій и Ильницкій и басы—гг. Осиповъ, Мозжухинъ и Демьяненко. На вторую половину въ качествѣ гастролеровъ приглашены А. М. Давыдовъ и г-жа Люце.

Тифлисъ. Ночью послѣ спектакля застрѣлилась молодая артистка „Новаго театра“ Генина.

Харьковъ. Въ спектакляхъ оперы принимаетъ теперь участіе А. П. Антоновскій, давно нигдѣ не выступавшій. Артистъ исполнилъ партію Донъ-Базиліо въ „Севильск. цир.“, мельника въ „Русалкѣ“ и спелъ Сусанина. Огромный успѣхъ, выпавшій здѣсь на долю В. В. Люце, повелъ къ тому, что артистка отказалась отъ всѣхъ другихъ гастролей и кончаетъ сезонъ въ Харьковѣ; постомъ она поетъ въ Ростовѣ въ оперѣ у Мендельштама.

— На второй недѣлѣ Великаго поста начнутся въ маломъ театрѣ гастроли драматической труппы подъ режиссерствомъ артиста Павленкова.

— М. Л. Кропивницкій выступилъ на масляницѣ въ нѣсколькихъ спектакляхъ въ труппѣ г. Сабинина.

— У А. Н. Соколовскаго прошла съ успѣхомъ 4 раза новая пьеса В. Евдокимова „Жить хочется“.

— Администрация не разрѣшаетъ давать спектакли г. Сабурову, снявшему на вторую недѣлю поста драматической театрѣ. Г. Сабуровъ обратился въ театральное общество съ просьбой о содѣйствіи.

Царицынъ-н. В. На лѣтній сезонъ въ труппу Ефимова окончили: Е. В. Горская, В. К. Фодотова, гг. Карамазовъ Д. М., Молчановъ Н. А. (режиссеръ), В. В. Истоминъ-Кастровскій.

Чита. Мы получили отъ рабочихъ общедоступнаго театра письмо въ редакцію съ изложеніемъ обстоятельствъ прискорбнаго инцидента, закончившагося пощечиной, данной г. Рамазановымъ рабочему Афанасію Байдасову. Въ немногихъ словахъ объ этомъ инцидентѣ у насъ уже рассказывалось въ прошломъ № 7. Приводимъ лишь заключительныя строки письма: „Г. Рамазановъ пишетъ въ своемъ письмѣ, что когда Долинъ, уѣзжая, не заплатилъ рабочимъ жалованья, но ему отъ души стало жаль рабочихъ и онъ бросился на помощь имъ. Но не успѣлъ отколотить всѣхъ, а только одного перваго попавшаго удостоилъ своей помощью. Теперь находимся въ крайне затруднительномъ положеніи такъ какъ всего жалованья не получили отъ него; едва ли найдется еще такой отзывчивый антрепренеръ, какъ г. Рамазановъ.“

Съ почтеніемъ имѣемъ честь быть рабочіе: Афанасій Байдасовъ, Михаилъ Веракинъ, Сергѣй Воробьевъ, Егоръ Федикинъ, Александръ Кустовъ, Андрей Тайровъ“.

П. В. Самойловъ въ роли Освальда („Привидѣнія“) Рис. А. Любимова.

Музыкальныя замѣтки.

Мавія Гай, коомъ „Карменъ“, выступила въ „Самсонъ и Далилъ“. Эта опера Сень-Санса не лишена крупныхъ достоинствъ: въ ней нѣрво весьма удачно схвачены мѣстный колоритъ, она сценична и мѣстами музыкально красива. Но ей до шедевра Бизе, какъ до звѣзды небесной, далеко. О драмѣ характернѣ, какъ въ „Карменъ“, не можетъ быть и рѣчи. Лица и туалеты очертаны, въ музыкальномъ отношеніи, довольно слабо, но обычаю оперному шаблону. На этой блѣдной канвѣ богатыхъ драматическихъ узоровъ не нарисовать. Но тѣмъ болѣе слѣдуетъ преклоняться предъ огромнымъ талантомъ г-жи Гай. Она и изъ этой роли ухитрилась слѣдять шедевр. Ея Далила не картонная фигура ложно-классическаго образца, какъ, въ лучшемъ случаѣ, изображаютъ героиню оперы Сень-Санса, а живое лицо, полное своеобразной библейской красоты. Она вся — очарованіе. Все существо ея проникнуто неотразимымъ обаяніемъ восточной нѣги. Когда она появляется, плѣнительная, волнуемая томленіемъ страсти, со всепокоряющею улыбкою на трепещущихъ устахъ, мы ясно понимаемъ, почему филистимляне всѣ свои надежды возложили именно на нее. Да, она рождена воспламенить. Предъ чарами ея обольщенія не устоять никому, а тѣмъ болѣе такому тупому представителю грубой животности, какъ Самсонъ. Какъ сладкій ядъ, проникаютъ ея взоры въ душу богатыря, маня къ безрассуднымъ наслажденіямъ. То трепещетъ въ порывахъ страсти, то замирая въ сладостной истомѣ, она опьяняетъ его разсудокъ, и непобѣдимый герой, наводившій суевѣрный ужасъ на весь филистимлянской народъ, падаетъ рабомъ къ ногамъ ничтожной филистимлянки. Красота сильнѣе силы. И нужно видѣть, какую бездну интереснѣйшихъ деталей разсыплетъ артистка, завлекая жертву въ роковыя сѣти. Медленно, но неотразимо овладѣваетъ она сердцемъ Самсона. Какъ опытная гетера, заронивъ искру въ слабую душу богатыря, она постепенно раздуваетъ пламя въ истребительный пожаръ. Сколько знанія челоуѣческаго сердца! Какая изобрѣтательность въ выборѣ средствъ очарованія! И главное: предъ вами не европейская кокетка, не русалка съ загадочно-завлекающими взорами, не лѣсная нимфа или сирена, пробуждающая въ душѣ таинственная созвучія невѣдомаго міра, а именно восточная гетера, возведшая любовь въ культъ съ нѣгою сладострастія и знойностью порывовъ. Отъ всего облика артистки вѣетъ библейскимъ духомъ. Когда ви-

дишь эти живописныя позы, эти медлительныя движенія, эту томность мѣлющихъ чувствъ, — то какъ-то съ трудомъ върится, что это та самая артистка, которая еще вчера вошла на сцену фривольную, бойкую и разухабистую Карменъ.

Но г-жа Гай не только крупная драматическая артистка. Она вмѣстѣ съ тѣмъ пероклассная вокальная звѣзда. Голосъ ея, по обширности діапазона, полнотѣ и краснотѣ звука, задушенности тембра, совершенно исключительный. Но главная прелесть артистки въ ея манерѣ пѣнія, знаменующей высшій идеаль вокальнаго искусства. Ея пѣніе — языкъ небесъ. Она поетъ, точно говоритъ. Это не декламація безцѣльной пѣвщи, прикрывающей выразительностью фразировки недостатки голосовыхъ средствъ. Это — идеализованная форма рѣчи, пріобрѣтшей, благодаря музыкѣ, особую убедительность. Владѣя въ совершенствѣ тайнами истиннаго *bel canto*, г-жа Гай превращаетъ голосъ въ волшебный органъ выраженія тончайшихъ изгибовъ чувства. Мертвый элементъ вокализъ, — придающій голосу характеръ, чего-то безжизненнаго, чуждаго челоуѣческой природѣ, мистически неопредѣленнаго, — въ пѣніи г-жи Гай совершенно отсутствуетъ. Каждый ея звукъ дышетъ жизненною теплою, естественностью и правдою интонаціи, ясностью символики. Трудно опредѣлить, гдѣ у нея кончается пѣніе и начинается слово, ибо, въ действительности, эти оба элемента сливаются у г-жи Гай въ нѣчто синтетически высшее, составляющее душу вокальной музыки, въ отличіе отъ инструментальной. Въ этомъ отношеніи, г-жа Гай приближается къ нашему Шаляпину, который достигъ эту тайну съ еще большимъ совершенствомъ. Шаляпинъ и Гай — два представителя новаго вокальнаго искусства, призваннаго дивными чарами голоса раскрыть сокровенныя глубины челоуѣческаго духа въ сложнѣйшихъ его проявленіяхъ. Однако, какъ два великана, они насытены на художественномъ горизонтѣ, обозначая собою нѣки новыя направленія.

Самсона играетъ г. Алчевскій. Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ артистъ покинулъ Мариинскую сцену, въ немъ произошла значительная перемена — и къ лучшему. Голосъ его окрепъ, пріобрѣлъ металлическую звучность и блескъ, сталъ выносливѣе. Въ настоящее время г. Алчевскій — выдающійся теноръ, способный украсить любую сцену. Сценическая передача у г. Алчевскаго, по прежнему, осмысленная и изящная. Онъ имѣлъ солидный успѣхъ.

Бѣляевскіе концерты положительно начинаютъ входить въ моду. Ихъ начинаютъ посѣщать съ интересомъ. Публика, видимо, желаетъ себя вознаграждать за отсутствіе русской музыки въ прерывающихся концертахъ. Второе русское симфоническое собраніе отличалось еще большимъ многолюдствомъ, чѣмъ первое, и возбудило живой интересъ, благодаря хорошо составленной программѣ.

1-ая симфонія Бородина — произведеніе талантливое, несмотря на явные слѣды подражательности (Шуману и Мендельсону). Отъ него вѣетъ искренностью въ свѣжестю, а послѣдняя часть, съ ея оригинальностью, въ ритмическомъ отношеніи, темною, прямо восхитительна. Г. Блаumenфельдъ исполнилъ ее нѣсколько безцѣльно. Въ скерцо недоставало бойкости и граціи, а въ послѣдней части не мѣшало бы ритмическимъ акцентамъ главной темы придать болѣе капризности и задору.

Сильно заинтересовали публику отрывки изъ новой, еще нигдѣ неполноценной оперы Римскаго-Корсакова „Золотой вѣтушокъ“. Дано извѣстно, что въ области сказочныхъ сюжетовъ нашъ композиторъ вынужденъ конкурировать. Наивную фантастику сказочнаго эпоса рисуетъ онъ яркими красками и съ поразительнымъ мастерствомъ, главнымъ достоинствомъ котораго является изумительная роскошь оркестроваго колорита. Другой вопросъ, насколько можетъ захватить слушателя многоактная опера, основанная на такихъ дѣтскихъ сюжетахъ. Но отдѣльные моменты, обрѣченные въ симфоническую форму, могутъ заинтересовать даже взыскательную публику. Отрывки имѣли огромный успѣхъ. Авторъ былъ восторженно признанъ всѣмъ заломъ, какъ общепризнанный любимецъ.

„Фавнъ и Пастушка“ г. Стравинскаго, ученика Римскаго-Корсакова, произведеніе совершенно ничтожное. Оно названо сюитой для меццо-сопрано и оркестра, но оркестру предоставлена лишь аккомпанирующая роль и нельзя сказать, чтобы этотъ аккомпаниментъ могъ украсить безсодержательную вокальную партію. Странно, что изображение „пастушки“, „фавна“ и „рѣки“ (три части сюиты) поручено одному и тому же голосу. Г-жа Петренко обрекла себя на жертву, принявъ на себя истолкованіе столь безцѣльнаго произведенія. Зато она съ лихвою вознаградила себя въ трехъ романахъ Мусоргскаго, превосходно инструментованныхъ Римскимъ-Корсаковымъ.

Глубоко впечатлѣніе произвело на слушателей „Море“ Глазунова. Это произведеніе написано еще въ 1889 г., но, по справедливости, должно быть причислено къ самымъ зрѣлымъ и глубоко продуманнымъ созданіямъ нашего замечательнаго композитора. Посвященное памяти Вагнера, оно воплотило достойно имени великаго музыканта. Избѣгая всякаго внѣшняго звукоподражанія и дешевыхъ эффеkтовъ, какъ это неминуемо слѣ-

лала бы посредственность, Глазуновъ рисуешь лишь внутрення переживанія, возбуждаемая видомъ моря, въ разные моменты. Эти настроенія, въ его изображеніи, полны глубокой поэзіи и захватывающей силы. Какъ музыкальный ландшафтъ, по глубинѣ и яркости импрессионизма, „Море“ не имѣетъ себѣ равнаго въ мировой литературѣ. Это истинный шедевръ поэзіи.

Придворный оркестръ устраиваетъ, въ теченіе сезона, нѣсколько закрытыхъ концертовъ, на которые приглашаются только представители высшихъ круговъ и музыкальнаго міра. На этихъ концертахъ всегда исполняются музыкальныя повинки какъ изъ русской, такъ и иностранной литературы. Не имѣя значенія, въ смыслѣ пропаганды музыки среди широкихъ слоевъ публики, они представляютъ громадный интересъ для специальныхъ круговъ, жаждущихъ знакомиться со всѣмъ новымъ и свѣжимъ въ музыкѣ.

Въ 22-мъ оркестровомъ собраніи собравшаяся избранная публика имѣла возможность познакомиться съ новой весьма оригинальной симфоніею А. С. Танѣева (котораго не слѣдуетъ смѣшивать со знаменитымъ московскимъ профессоромъ С. И. Танѣевымъ). Этотъ композиторъ занимаетъ очень высокій постъ въ административной іерархіи, а слѣдовательно можетъ уфлять музыкѣ лишь часы досуга. Но то, что онъ написалъ, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, такъ значительно, что было-бы несправедливо считать г. Танѣева диллетантомъ. По ярко выраженному таланту и по совершенству техники, онъ имѣетъ право считаться въ ряду замѣтныхъ композиторовъ. Его 3-я симфонія, исполненная придворнымъ оркестромъ, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія по свѣжести мыслей и достоинствамъ фактуры. Особенно интересны скерцо, прокинутое граціею, бойкостью и краснотой, и аллегро, написанное съ широкимъ размахомъ и страстнымъ увлеченіемъ. Въ послѣдней части вредитъ грузность инструментовки, лишенной настоящаго оркестроваго колорита. Симфонія исполнена была, подъ управленіемъ г. Варлиха, превосходно и имѣла среди изыскательной публики этихъ собраній положительный и серьезный успѣхъ... Нельзя сомнѣваться, что это произведеніе получитъ современемъ болѣе широкое распространеніе.

Индійская сюита американскаго композитора Макъ-Дауэля интересна яркостью оркестровыхъ красокъ и умѣlostью инструментовки, но отнюдь не качествомъ темъ, вообще незначительныхъ и малохарактерныхъ, Московскій арфистъ г. Лукинъ и какъ композиторъ, и въ качествѣ исполнителя, не произвелъ благоприятнаго впечатлѣнія. Его сочиненія для арфы не только страдаютъ бѣдностью мысли, но, что всего удивительнѣе, даже не благодарны для арфиста. Это единственный извѣстный мнѣ случай, гдѣ виртоузъ оказался неспособнымъ использовать эффекты своего собственнаго инструмента. Впрочемъ, и виртоузность г. Лукина не особенно высокой марки.

И. Кларолевскій.

Попытка реставраціи средневѣковаго театра.

(Окончаніе *).

Аристъ намъ обѣщаль трагедію такую,
Что всѣ отъ жалости въ театрѣ заревутъ,
Что слезы зрителей рѣкою потекутъ...
Мы ждали драму золотую.
И что-же? Дождались—и, нечего сказать,
Достоинству ея нельзя убавить вѣсу:
Ну, право удалось Аристу написать
Прежалостнѣи піэсу.

Пушкиль.

2. Вся эта причудливая фантасмагорія изъ «лучезарной эпохи» пытокъ и безправія, изъ уличныхъ плакатовъ во имя «научной разработки вопроса», изъ аналогіи ученаго, приравнивающей солдатъ и дѣтей къ типу средневѣковаго лицедѣя, изъ покушенія вмѣстить всю исторію европейскаго театра въ пять вечеровъ производила впечатлѣніе смѣси чего то серьезнаго со скоморошествомъ, чего-то какъ будто полезнаго съ несомнѣнными пустяками. И мы

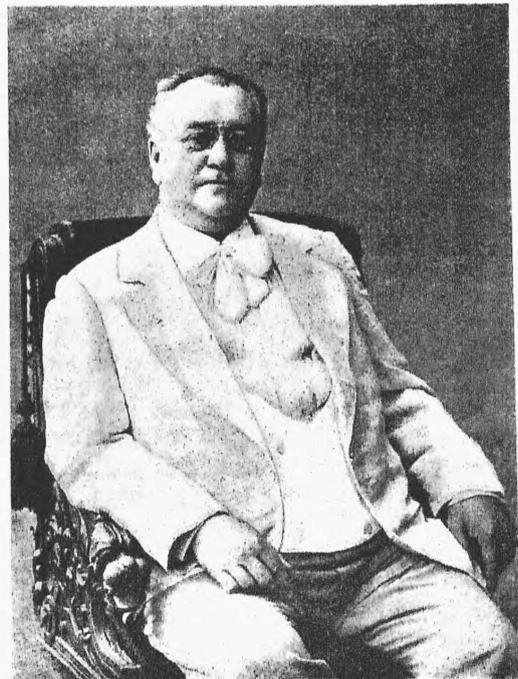
съ нетерпѣніемъ ждали спектаклей, чтобы ошибиться и найти предпріятіе «выше его репутации», какъ сказалъ императоръ Николай I актрисѣ Рашель. И вотъ начался первый спектакль.

Незамѣтно поднялся занавѣсъ, такъ какъ на сценѣ адски темно, и только слышатся какіе-то полувзвукъ полувчеловѣческихъ полуголосовъ. Всмотримся, а тутъ намъ на радость начался и на сценѣ какъ будто-бы разсвѣтъ, и мы начали различать сначала какіе-то силуэты, потомъ фигуры и наконецъ человѣческіе образы. Начали они и разговаривать по человѣчески, но не всѣ, а только въ видѣ исключенія нѣкоторые. Остальные завывали звуками «больше звѣриными, ничѣмъ человѣческими», а одинъ долговязый мужчина такъ даже ревмя-ревѣлъ, надо полагать, что со сна.

Нужно отдать справедливость г. Евреинову, онъ щедро примѣнилъ къ своему прологу и картинѣ представленія все, что зналъ о среднихъ вѣкахъ: тутъ были и калѣки, и нищие, и самобичеватели, хлеставшіе себя на паперти нещадно какими-то вервьями, и кликушества, и суевѣрные ожиданія чудесъ, и страхъ «черной смерти», и все такое. Не доставало пожалуй только того, чтобы черезъ сцену шла процессія съ трупами умершихъ. Но и безъ этого можно было обойтись, чтобы хоть отчасти насладиться картиной «лучезарной эпохи». Передъ этимъ народомъ была на паперти разыграна мистерія—«Три волхва» по тексту, «заимствованному изъ рукописи, относящейся ко второй половинѣ XI вѣка», и съ «подлиннымъ музыкальнымъ текстомъ XI вѣка». Кстати и нестати толпа комментировала мистерію и прерывала ее, такъ что «бургомпстры», а можетъ быть и «ратманы» поминутно кричали: «тише!» Наконецъ, когда «царь» (Иродъ) отдалъ приказъ погубить младенцевъ, толпа съ криками бросилась къ «царю», но занавѣсъ вовремя закрыли, и «царь» остался нерастерзаннымъ.

Когда сія первая часть представленія кончилась, мнѣ стало невыразимо жалко — не «царя», а А. А. Санина, который, повидимому, потратилъ дѣйстви-

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ АРТИСТЫ.

С. В. Валуа.

(Труппа Н. И. Соболевскаго-Самарина—Казань—Саратовъ).

*) „Театръ и Искусство“, № 7.

тельно массу силъ, энергіи и искусства на постановку пролога и народныхъ сценъ. За исключеніемъ уже указанныхъ въ газетахъ совершенно ненужныхъ допущенныхъ въ народныхъ сценахъ дѣланныхъ, неестественно произносимыхъ разными лицами фразъ и монологовъ, г. Санинымъ было сдѣлано все, что онъ могъ, для одухотворенія средневѣковой толпы по замыслу автора пролога и картины представленія. И жалко намъ стало г. Санина потому, что его талантъ режиссерскій былъ потраченъ въ сущности на пустяки, посредствомъ которыхъ издумали показать на основаніи полу-фантастическихъ свѣдѣній, какъ вела себя въ средніе вѣка толпа. Какая въ самомъ дѣлѣ пропія! При всемъ своемъ талантѣ г. Санинъ долженъ былъ уйти съ «образцовой» сцены и теперь «старается» потрафить на «дирекцію» такъ называемаго «стариннаго театра». Вотъ ужъ именно за какія-то невѣдомые грѣхи назначено г. Санину анничковское наказаніе—ходить съ головою, обращенною назадъ.

Этимъ окончилось наше «научное» ознакомленіе съ XI вѣкомъ, XII вѣкъ былъ пропущенъ, — и послѣ «второй фанфары» намъ былъ показанъ «мираклъ трувера» уже XIII вѣка подъ русскимъ заглавіемъ— «Дѣйство о Теофілѣ», причѣмъ по справедливому мнѣнію г. Анничкова для представленія этого «мираклъ» совершенно неправильно была употреблена трех-ярусная сцена. Дѣло однако не въ этомъ, а въ томъ, что въ «мираклѣ» дѣйствующія лица уже совершенно отрѣшились отъ естественной человѣческой рѣчи и, очевидно подъ вліяніемъ неизвѣстно гдѣ отысканныхъ г. Евреиновымъ «данныхъ для преподанія артистамъ манеры и пріемовъ средневѣковаго актера», исполняли свои роли, какъ бы желая «перепродствовать самого Прода», «выступали и орали», какъ говорить «Гамлетъ», «такъ, что я подумаю, какой-нибудь поденщикъ природы надѣлалъ людей, да неудачно—такъ ужасно подражали они человѣчеству». Если относительно роли чорта можно спорить, долженъ ли онъ говорить по-человѣчески или по-собачьи, то относительно людей, кажется, слѣдуетъ признать, что они имѣютъ полное право даже на сценѣ говорить по-людски — и напрасно думаетъ г. Евреиновъ, будто какая бы то ни была публика въ каиное бы то ни было время требовала отъ актера неграмотныхъ удареній, нечеловѣческихъ интонацій или бессмысленнаго нанизыванія словъ: мириться съ ними публика тамъ и сямъ могла за неимѣніемъ лучшихъ исполнителей, но одобрять такую сценическую рѣчь, видя въ театрѣ изображеніе во всякомъ случаѣ именно жизни, публика не могла ни при какихъ условіяхъ. Точно также напрасно думать, будто изъ числа исполнителей средневѣковыхъ представлений совсѣмъ не было сколько-нибудь осмысленныхъ людей; бездарныхъ актеровъ всегда очень много, и даже къ нѣкоторымъ современнымъ актерамъ легко подойдутъ тѣ совѣты, которые даются въ мистеріи объ Адамѣ («И пусть человѣкъ хорошо будетъ наученъ давать реплики», «пусть всѣ исполнители умѣютъ искусно декламировать и дѣлаютъ всегда жесты, приноровленные къ тому, что сказано, въ стихахъ пусть они не прибавляютъ и не убавляютъ ни одного слога и всѣ ихъ произносятъ отчетливо» и т. д.), не говоря уже о знаменитыхъ совѣтахъ Гамлета; но когда г. Евреиновъ въ своемъ докладѣ восклицаетъ: «Хороши же были актеры, которымъ надо было давать подобные совѣты!» — то онъ съ одной стороны забываетъ, что такіе актеры и теперь существуютъ, а съ другой стороны очевидно упускается изъ виду, что именно такіе совѣты, имѣющіеся въ произведеніи тѣхъ временъ, прямо указываютъ, что

люди той эпохи прекрасно понимали тѣ общія требованія сценическаго искусства, которыя остались общими всѣмъ народамъ и всѣмъ вѣкамъ. Такимъ образомъ, если мы хотимъ дать представленіе объ искусствѣ актера тѣхъ временъ, намъ нужно избрать лучшіе образцы этого искусства, какъ они понимались въ то время, а ужъ никакъ не худшіе, а потому отнодь неправъ г. Евреиновъ, утверждая, что актеры того времени, играя злодѣевъ, должны были «рычать звѣремъ, таранить глаза, скалить зубы» и т. п. Это явная и грубая ошибка.

Такъ кончилось первое представленіе, — и къ нашему великому удовольствію, мы увидѣли, что «дирекція» даже въ первомъ своемъ спектаклѣ отказалась отъ «аналогіи» съ солдатскими и дѣтскими спектаклями: въ теченіе всего спектакля мы не видѣли ни солдатскихъ, ни дѣтскихъ пріемовъ въ исполненіи. Мы прониклись надеждой, что «дирекція» и дальше пойдетъ въ этомъ же направленіи — и, какъ показалъ второй спектакль, не ошиблись. Кому надо за это сказать спасибо — режиссерамъ ли, художникамъ ли, или самой «дирекціи», не знаю, но спасибо все-таки говорю.

«Игра о Робертѣ и Маріонѣ», обѣщанная для перваго абонемента, была перенесена во второй абонементъ и называлась уже не «игра», а «Дѣйство о Робертѣ и Маріонѣ», по передѣ этой единственной въ своемъ родѣ пастурелью XIII вѣка должно было публикѣ «моралитѣ XV вѣка», подъ названіемъ «Нидерландскіе братья», о которомъ программа гласила, что оно «сокращено до одной четверти подлиннаго текста». Очевидно, сама «дирекція» ужаснулась этого милаго произведенія, которое даже и въ безжалостномъ сокращеніи оказалось невыносимымъ. Тутъ еще было примѣнено исполнителемъ ученіе г. Евреинова о «рычаній звѣремъ, скаленій зубъ» и т. п., словомъ о насиліи надъ человѣческой природой, и зрѣлице получилось отчаянное несмотря на оригинальную постановку гг. Санина и Дризена. Думаю, что произвольное сокращеніе было во всякомъ случаѣ неправильностью, но самая постановка этой совершенно бездарной вещи была никому ненужною.

Но вотъ вернулись къ XIII вѣку, началась пастурель Адама де-ля-Галль — и «старинный театр» сразу оживился: были забыты ученія о зубовномъ скрежетѣ, объ «аналогіи ученаго» и даже хронологія, вслѣдствіе чего XIII вѣкъ наступилъ послѣ XV вѣка, а въ результатѣ получилось очень недурно исполненное произведеніе среднихъ вѣковъ, причѣмъ актеры говорили, пѣли и даже танцовали по-человѣчески и кромѣ того съ такой правдивостью и искренностью исполненія, какъ дай Богъ и современнымъ актерамъ, все больше и больше отходящимъ отъ сценической и художественной правды благодаря психопатологическимъ произведеніямъ, засоряющимъ нашу сцену. Вотъ значитъ и загадка «стариннаго театра» разгадана. Какое бы произведеніе, принадлежащее къ исторіи театра, ни играть, нужно только во всякомъ случаѣ сохранить на сценѣ правду изображенія; если не правдивъ авторъ, пусть будетъ вина на его сторонѣ, но актеръ долженъ быть всегда правдивъ и вѣренъ человѣческой природѣ. Кстати: «дирекція» такъ увлеклась естественностью, что придумала даже нѣкоторый кунштюкъ: актриса, играющая роль Маріонѣ, будто бы забываетъ свою роль въ самомъ интересномъ мѣстѣ, и тогда «руководитель игры» выходитъ изъ-за кулисъ и подсказываетъ актрисѣ текстъ. Это вышло очень мило, но какъ, я думаю, сердился г. Евреиновъ, который въ своемъ докладѣ категорически устанавливалъ, что «актеры интересующей насъ эпохи *знали роли*

въ концѣ концовъ *на зубокъ*», а иначе «руководитель игры» прибѣгалъ къ «чувствительнымъ жестамъ»! Но мы на сторонѣ директорскаго кунштюка.

Говорить ли о фарсахъ, которые сама «дирекція» называетъ «совершенно безсодержательными, непредставляющими никакого литературнаго значенія»? Содержаніе фарсовъ достаточно скабрёзно и было довольно грубо подчеркнуто при исполненіи, вѣроятно съ цѣлью показать, что именно такъ они игрались тогда, и именно этому публика того времени, по выраженію г. Аничкова, «смѣялась скромно». Но—увы!—современные фарсы такъ ушли впередъ въ области неприличія и цинизма, что выходы средневѣковыхъ фарсовъ показались дѣтскими. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, что въ этихъ фарсахъ принадлежитъ авторамъ и что «дирекціи», такъ какъ въ программахъ сказано, что «при переводѣ были допущены нѣкоторыя отступленія отъ подлинника и вымарки съ цѣлью сохранить общій балаганный характеръ представленія». Въ чемъ были «отступленія», неизвѣстно, а какимъ образомъ можно *сохранить общій характеръ произведенія посредствомъ вымарокъ изъ него*, непонятно.

Общѣ намѣ заключеніе таково: осуществленіе предпріятія до сихъ поръ было удачно лишь постольку, поскольку «дирекціи» отступала отъ возрѣшеннѣхъ ею замѣреній. Такъ какъ исторія утверждаетъ, что «отступленія» бывають спасительными даже на полѣ битвы, выразимъ имъ горячее сочувствіе и пожелаемъ, чтобы «дирекція» поскорѣе перешла на такую позицію, съ которой не нужно будетъ отступать и на которой можно дѣйствительно принести огромную пользу исторіи театра и сценическаго искусства. **Анатолій Кремлевъ.**

25 декабря 1907 (7 января 1908).

Эстетика и... этика.

(Письмо изъ Москвы).

У насъ, въ Москвѣ, существуетъ «Общество свободной эстетики». Казалось-бы, чего утонченнѣе и возвышеннѣе! Однако посмотрите, какія дѣла возможны въ этомъ обществѣ.

Члены комиссіи этого общества получили какъ-то повѣстки, приглашающія ихъ на 3-е января въ соединенное засѣданіе комиссій. Получила такую повѣстку и членъ театральной комиссіи, Н. А. Меркурьева, начинающая артистка, недавно окончившая Филармоническое училище. Получила, и отправилась въ засѣданіе, совершенно не подозревая, что это не засѣданіе, а судъ надъ нею, судъ безъ малѣйшаго предупрежденія объ этомъ подсудимой.

Началось собраніе заявленіемъ, очень родственнымъ тому, какое дѣлаетъ Агамемнонъ въ «Еленѣ Прекрасной», открывая конкурсъ остроумія. Агамемнонъ началъ словами: «народы Греціи дурѣють», а председатель засѣданія вольныхъ эстетовъ началъ съ того, что «въ жизнь общества сталъ вторгаться элементъ пошлости и плоскости». Поэтому онъ предложилъ присутствующимъ «влиять въ его жилы золотую кровь».

Послѣ этого поднялся самый главный столпъ общества, Н. Я. Брюсовъ; онъ также констатировалъ упадокъ и активной дѣятельности общества, и его внутренняго содержанія, и

„Жить можно“... или что увидаль дядюшка въ бинокль.

(Пьеса И. Н. Потапенко въ Маломъ театрѣ). (Шаржъ).

какъ на одну изъ главныхъ причинъ этого упадка указалъ на то, что молодая артистка Н. А. Меркурьева, о которой я упомянулъ выше, осмѣлилась выступить въ «Вечерѣ Мерцаній», который былъ устроенъ въ Москвѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ.

— «Я требую—говорилъ г. Брюсовъ—(цитирую по протоколу засѣданія, имъ подписанному), чтобы было созвано общее собраніе и лицамъ, участвовавшимъ въ «Вечерѣ Мерцаній», навсегда долженъ быть закрытъ доступъ на вечера «Свободной Эстетики», если они не пожелаютъ принести извиненій».

Очень скоро выяснилось, что участіе въ «Вечерѣ Мерцаній» изъ членовъ общества принимала одна только г-жа Меркурьева, и что такимъ образомъ нападки и требованія исключенія изъ общества направлены лично противъ нея.

Когда художникъ В. В. Переплетчиковъ замѣтилъ, что поступки, совершенныя членами общества внѣ его стѣнъ, не подлежатъ его суду, г. Брюсовъ объявилъ:

— Нѣтъ, существуютъ поступки—напримѣръ, кража носовыхъ платковъ—которые должны подлежать суду общества.

А когда г. Переплетчиковъ спросилъ, равняется ли выступленіе на «Вечерѣ Мерцаній» кражѣ носовыхъ платковъ, то г. Эллисъ отвѣтилъ:

— Даже хуже.

Далѣе началось продолжавшееся около трехъ часовъ колесованіе г-жи Меркурьевой, совершенно неожиданной этого, растерявшейся и молча слушавшей, какъ ея дѣятельность находили болѣе позорной, чѣмъ кража носовыхъ платковъ, какъ требовали ея исключенія, при чемъ г. Брюсовъ угрожалъ въ противномъ случаѣ своимъ уходомъ изъ общества; какъ онъ заявилъ, что «среди нашихъ членовъ есть такія имена, какъ Валентинъ Александровичъ Сѣровъ, съ его именемъ не могутъ стоять рядомъ имена лицъ, принимавшихъ участіе въ «Вечерѣ Мерцаній»; какъ онъ же, въ ея присутствіи, началъ собирать восемь подписей, необходимыхъ для того, чтобы вопросъ объ исключеніи изъ общества члена былъ внесенъ въ общее собраніе.

— Да что же, наконецъ, такое этотъ «Вечеръ Мерцаній», если участіе въ немъ даетъ людямъ право отбросить всякія стѣсненія и бросать въ дѣвушку камнями? Въ наше время всяческихъ мерзостей и извращеній среди эстетовъ, возможны, вѣдь, такіе вечера, противъ которыхъ поблѣднѣютъ даже афинскія ночи.

Та страстность и безпощадность, съ какою набросились на г-жу Меркурьеву члены комиссій «Свободной Эстетики», даетъ право дѣлать чортъ знаетъ какія предположенія. Поэтому необходимо сказать, что пресловутый «Вечеръ Мерцаній»—дѣйствительно вечеръ въ высшей степени неудавшейся, но не только не заключающей въ себѣ ничего позорнаго, но и очень интересный по идеѣ. Вечеръ этотъ долженъ былъ быть «ве-

черомъ настроеній", импровизации. Присутствовавшимъ предлагалось принять въ немъ активное участіе своими произведеніями, импровизацией.

При хорошо подобранной аудиторіи эта попытка введенія хорошаго начала могла-бы быть очень любопытной, но бѣда произошла оттого, что четверо интересныхъ участниковъ этого вечера отказались всего за нѣсколько часовъ до начала, а группа писателей, враждебно настроенныхъ къ устроителямъ вечера, явилась съ цѣлью высмѣять начинаніе и слышала предложенія продѣлать—прочсть пародію на Андрея Бѣлаго и т. д. Устроители протестовали, заявивъ, что они имѣютъ въ виду „вечеръ настроеній“, а не вечеръ пародій, пародисты настаивали на своемъ правѣ, и получилось настроеніе совсѣмъ не того порядка, какой предполагался.

Въ результатѣ явились нашъ неизбежный, русскій *deus ex machina*,—полиція, и заявила, что не разрѣшитъ къ исполненію ничего, кромѣ стоящаго въ программѣ.

Вечеръ, какъ видите, не изъ удачныхъ, но, какъ тоже видите, ничего позорнаго собою не представлявшій, то-есть въ смыслѣ идеи и проч.

Предвидѣть печальныя условія, создавшія эту неразбериху, г-жа Меркурьева, разумеется, не могла, личное же ея участіе въ вечерѣ выразилось въ томъ, что она читала стихи Фета, Тютчева и Александра Блока.

За это ей и пришлось пройти сквозь строй обвиненій, выражавшихся словами: „профанация“, „пошлость“, „хуже кражи носовыхъ платковъ“ и проч. За это ее заставили въ теченіе трехъ часовъ растеряно слѣдить за тѣмъ, какъ настаивали на ея исключеніи и собирали подписи подъ требованіемъ объ этомъ исключеніи.

Собственно говоря дѣйствительно активно по всей этой довольно неэстетической исторіи одинъ г. Брюсовъ,—остальные или почтительно ему поддакивали, или довольно растерянно слушали, сами неподготовленные къ тому, что происходитъ, либо слабо и нерѣшительно бормотали въ защиту. Для того, чтобы такая картина стала понятной, нужно указать на то, что въ московскомъ литературномъ кружкѣ, объединившемся подъ знаменемъ „свободной эстетики“, г. Брюсовъ почитается теперь высшимъ божествомъ и авторитетомъ. Недавній богъ, Бальмонтъ, развѣчиваясь, объявленъ испившимся, снергнувъ, и лежавшіе передъ нимъ на брѣхахъ безцеремоннымъ образомъ повернулись къ нему задомъ, а на брѣхи легли передъ Брюсовымъ. Известно же, что свободные эстетики, не смотря на всю свою свободу, въ своемъ кружкѣ признаютъ только неограниченную деспотію.

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Неронъ“.

Эпихарисса (Г-жа Гамалѣя).

Рис. М. Слѣпяна.

Свои категорическия требованія г. Брюсовъ все время подкрѣплялъ ссылками на уставъ. Выходило, что участіе въ „Вечерѣ Мерцаній“ противорѣчитъ уставу свободныхъ эстетовъ.

Я очень внимательно прочелъ уставъ, и не нашелъ тамъ ни единой буквы, запрещающей членамъ выступать на вечерахъ, постороннихъ обществу, или обязывающей принадлежать къ тому или иному эстетическому толку.

Такимъ образомъ, г-жа Меркурьева прѣдѣлать не можетъ считаться нарушившей уставъ, а вотъ г. Брюсовъ нарушилъ и уставъ, и другіе нѣкоторые законы, которые хотя въ уставѣ общества свободной эстетики и не значатся, но должны быть обязательны для всякаго, хотя-бы и не эстета.

Уставъ нарушенъ довольно основательно. Такъ, напримеръ, мало того, что человѣка, котораго судили, не предупредили о томъ, что его будутъ судить въ такомъ образомъ не дали ему возможности ни приготовиться къ своей защитѣ, ни позаботиться о томъ, чтобы въ засѣданіи были люди, могущіе замолвить за него слово, но въ явное противорѣчіе съ уставомъ, допустили присутствіе въ засѣданіи комисіи и въ голосованіи лицъ, которыя на это права не имѣютъ (гг. Кузнецовъ, Уткинъ и Балтрукайтисъ).

Свое грозное обвиненіе г. Брюсовъ построилъ на положеніи: „Существуетъ минимумъ художественнаго искусства, обязательнаго для членовъ свободной эстетики“. Это заявленіе чрезвычайно характерно, и я позволю себѣ задать г. Брюсову нѣсколько вопросовъ:

Твердо-ли вы увѣрены въ существованіи и непреложности этого *minimum'a*? Какъ-бы должны были поступить, на основаніи этого принципа, тѣ, кто нѣсколько лѣтъ тому назадъ находили, что стихи, вроде: „О, закрой свои блѣдныя ноги“, этому *minimum'u* не отвѣчаютъ? Не меньше-ли, чѣмъ кому-бы то ни было другому, пристало говорить о нетерпимости именно намъ, Валерій Яковлевичъ? Вамъ, о которомъ одинъ изъ поэтовъ и критиковъ очень вѣсь теперь любящихъ, началъ называть свою лекцію такимъ образомъ: „В. Брюсовъ появился въ русской литературѣ съ шутковскимъ колпакомъ на головѣ“? Не слишкомъ-ли субъективно то мѣрilo эстетическаго уровня, которое отвергаетъ чтеніе Фета, Тютчева и Блока, и принимаетъ такія „дѣйства“, какъ музыкальныя иллюстраціи г. Кузьмина къ его же „голому молодому человѣку въ шляпѣ“,—иллюстраціи, отъ которой музыкальные люди пришли въ полное отчаяніе?

Но—довольно вопросовъ, довольно указаній на уставъ, довольно ссылокъ на то, что лица, вынесшія столько нападковъ на свое декадентство, не должны сами налагать на творчество „желѣзную лапу“, какъ выразился г. Переплетчиковъ. Не будемъ говорить объ этомъ: это все детали, мелочи—здесь есть одинъ главный вопросъ: какимъ образомъ господа, считающіе себя носителями утонченной культуры, „золотой крошкѣ“, произносящія по своему адресу столько дуто-напашенныхъ словъ,—какъ они могли позволить себѣ такую просто нульгарную, просто антиэстетичную выходку, не говоря уже о ея моральной цѣнности? Одинъ позволилъ, а другіе, кромѣ двухъ-трехъ, представляли собою панургово стадо. „Нельзя допустить, чтобы рядомъ съ такими именами, какъ Валентинъ Александровичъ Сѣровъ, стояли имена тѣхъ“... Я преклоняюсь передъ В. А. Сѣровымъ, какъ передъ огромнымъ талантомъ, я знаю о немъ только самое хорошее, какъ о человѣкѣ, но я не понимаю, отчего въ отвѣтъ на эту фразу онъ только пробормоталъ сконфуженно что-то себѣ подъ носъ, а не всталъ, протестуя противъ злоупотребленія его именемъ?

Потомъ, послѣ засѣданія, онъ сказалъ: „Такъ тяжело было, словно передъ тобою сѣкли женщину“—отчего же это онъ сказалъ потомъ, а не тогда, когда его авторитетное слово могло имѣть огромное значеніе?

Но теперь—самое лучшее—заключеніе этого эпизода: его кончили тѣмъ, съ чего нужно было-бы начать: обратились къ Н. А. Меркурьевой, чтобы она дала объясненія.

Протоколъ гласитъ: „Объясненія, данныя Меркурьевой, признаются вполне достаточными, и предсѣдатель, считая инцидентъ исчерпаннымъ, предлагаетъ перейти“...

Исчерпанъ? Да, господа, для васъ онъ исчерпанъ, ну-те-съ, а все то, что человѣкъ вынесъ за три часа публичнаго шельмованія—это такъ, ничто, пустяки, въ которыхъ не стоитъ даже извиниться? Кто же, имѣющій самолюбіе, пойдетъ къ вамъ, рискуя, что вы, ничего не узнавъ, не провѣривъ, не предупредивъ, введя въ засѣданіе лицъ, которыя не имѣютъ права въ немъ присутствовать, начнете собирать въ его присутствіи подписи для его исключенія, для того, чтобы послѣ признать его объясненія „вполнѣ достаточными“?

Свободные эстетики необыкновенно ярко выявили и свое свободолобіе, и свой эстетизмъ. *Сергій Яблоновскій.*

Примѣч. редакціи. Настоящее письмо С. П. Яблоновскаго мы получили съ соответствующими фактическими документами, напимѣръ, подлиннымъ протоколомъ засѣданія общества „Свободной Эстетики“. Однако для насъ центръ тяжести не совсѣмъ тамъ, гдѣ его предполагаетъ С. П. Яблоновскій—

не въ «этикѣ», которая есть вопросъ спорный. Въ концѣ концовъ, вѣдь это было «засѣданіе комиссій», а не публичное. Но случай съ г-жей Меркурьевой очень характеренъ для опредѣленія эстетической цѣнности «немерцающихъ» «эстетическихъ» засѣданій... Оказывается, что «тончайшимъ» эстетамъ свойственно заниматься самыми обыденными и — между нами — пошловатыми житейскими дразгами. Вотъ это, признаемся, любопытно... Мы-то думали, что эстетическія сообщества нашихъ «молодыхъ» — нѣчто вродѣ масонскихъ ложъ: такъ тамъ все благогоушно, музыкально и прозрачно. Пьютъ фіаль и вкушаютъ идеаль. Сыны неба бесѣдуютъ съ музами. Выходить не совсѣмъ такъ, и даже очень не такъ. Самый утонченный эстетизмъ, какъ видно, не создастъ еще «сверхъ-человѣковъ» — это разъ, и самая пламенная вѣра въ эстетику не устраняетъ, опять таки какъ видно, ни вопросовъ поведенія, ни принциповъ морали, ниже примѣненія принудительныхъ мѣръ, т. е. окончательно не вяжется какъ съ «мистическимъ анархизмомъ», такъ и съ мистическимъ «свободнымъ дѣйствомъ». Ибо — необходимо сознаться — въ случаѣ, краснорѣчиво описанномъ г. Яблоновскимъ, есть все, кромѣ «соборнаго дѣйства». Отсюда выводъ: надо быть милосерднымъ и не надо быть гордымъ — два правила, которыя забываются новѣйшими эстетамъ.

Карнавалъ.

(Изъ мюнхенскихъ воспоминаній).

П риблизается время карнавала. Замѣчаешь это по лицамъ прохожихъ на улицѣ, по чрезмѣрно переполненнымъ кафе, по необыкновенной привѣтливости твоей квартирной хозяйки, которой — къ слову сказать — не платилъ денегъ ужъ мѣсяца за два.

Забрасываются кисти, краски; мольбертъ плотно отодвигается къ задней стѣнѣ.

Книги пылятся на полкахъ, рукописи прячутся въ дальные углы ящиковъ письменнаго стола. Мимолетныя печали, заботы, — все, отягощавшее жизнь, исчезаетъ, скрывается.

Начинаешь ощущать жизнь легкой и радостной. Атмосферой карнавала наполнены оживленные улицы, ярко освѣщенные залы.

Легкимъ волнующимъ дуновеніемъ она обвѣваетъ душу. Невольно заражаешься легкомысліемъ.

Сглаживаются обычныя будничныя перегородки въ отношеніяхъ къ людямъ.

Улыбаешься чужимъ, заговариваешь съ незнакомыми. А это дозволенное *ты* другъ другу? Оно, буквально, творить чудеса.

Обычный долгій путь къ сердцу, къ чувствамъ другого человѣка остался гдѣ-то позади.

Въ будни люди надѣваютъ на себя маски, чтобы возможно тщательнѣе скрывать свое я другъ отъ друга.

Во время карнавала люди въ маскахъ запросто раскрываются другъ передъ другомъ.

Ахъ, что изъ того, что я не знаю скрыта ли Анджелика, Марта, Гертрудъ или Мици подъ маской? Что изъ того, что мнѣ неизвѣстно, — какое общественное положеніе занимаетъ отецъ ея, — служить ли онъ въ городской управѣ, въ судѣ или онъ защищаетъ интересы народа въ парламентѣ?

Я вижу, какъ она плутовски улыбается, когда я заговариваю съ ней о счастья, вижу, какъ рдѣютъ ея щеки, когда я упоминаю ей о мудрой философіи того, что мы живемъ только разъ. И знаю, что она подходила уже вплотную къ стѣнѣ, за которой начинается счастье, — что какой-то соблазнитель уже нашептывалъ ей сказки жизни, убѣждая ее, что мы живемъ только разъ.

Еще два-три полуигривыхъ, полусерьезныхъ замѣчанія и я не знаю навѣрное, потерпѣли ли уже ея дѣвическія мечты крушеніе?

Вотъ проходитъ величественная царственная красавица объ руку съ плотнымъ юношей лѣтъ двадцати. Красавица звонко смѣется. Юноша увѣренно ступаетъ, дѣлаетъ размашистыя движенія руками. Въ ней все изящество, грація, — въ немъ мускулистая сила.

Они пополняютъ другъ друга — хочется съиронизировать.

Но, вѣдь, здѣсь не только иронія. Невдалекѣ бродитъ разсѣянно блѣдный Гроссманъ — мой пріятель-художникъ. Я вижу по глазамъ его, что онъ видитъ красавицу не впервые: онъ озирается по сторонамъ, замѣчаетъ меня, подходитъ ко мнѣ и равнодушнымъ голосомъ спрашиваетъ: «ты не знаешь этого молодого человѣка?» (Онъ указываетъ на мускулистаго юношу). Я не знаю и онъ отходитъ дальше. Я вижу, какъ онъ подходитъ къ группѣ студентовъ и спрашиваетъ ихъ о чемъ-то. Затѣмъ онъ возвращается ко мнѣ и не скрывая ужъ своего озлобленія, произноситъ: «Скотина этакая! Нашелъ себѣ пару! Ему бы выбирать себѣ любовницъ на балу извозчиковъ, а не здѣсь».

Трагедія налицо. А величественная красавица, словно на зло, попрежнему звонко смѣется и тѣснѣе прижимается къ мускулистой скотинѣ, какъ говоритъ себѣ въ душѣ, вѣроятно, Гроссманъ.

Художница Раневская — маленькая некрасивая полька бѣшено танцуетъ мазурку. Во всѣхъ ея движеніяхъ чувствуется необыкновенный подъемъ.

Бабочка карнавала.

КАРНАВАЛЪ ВЪ ПАРИЖЪ.

На балу въ Латинскомъ кварталѣ.

Она нѣсколько разъ прерываетъ свой танецъ, направляется къ сидящему въ обществѣ жизнерадостному Садковскому, умоляюще смотритъ на него, говоритъ ему что-то съ легкой укоризной. Но Садковскій нетерпѣливо отворачивается. И она снова танцуетъ, танцуетъ съ остервенѣніемъ, подхватываетъ на лету руку высокаго шведа.

Бѣлоснѣжная американка медленно и ритмично двигается по залу объ руку съ сатанинскимъ Легантини.

Онъ дьявольски улыбается и говоритъ ей шопотомъ:

— Вы не любите вашего мужа, не можете любить его. Вы слишкомъ хрупки и нѣжны, чтобы довѣриться вполне Спиро. Онъ хитеръ, неискрененъ и, главное, мелокъ. Славная вы — шепчетъ онъ.— Не нужно терпѣть!

Давайте улыбаться! Да? да! — умоляюще спрашиваетъ онъ. Она радостно смѣется. А у колоннъ арки виднѣется тонкій профиль ея мужа. Губы его плотно сжаты, а змѣевидные черные усы слегка вздрагиваютъ.

Такъ обнажаются здѣсь подъ ритмичные плавные звуки вальса повседневныя драмы и горести.

Жажда непосредственнаго яркаго веселья вскрываетъ прозу жизни.

Нѣтъ ничего болѣе нестраго, интереснаго и крайне любознательнаго, чѣмъ общество карнавалныхъ бабловъ: купеческія вдовы, артисты, адвокаты, музыканты, художники, художницы, актрисы, дѣвушки буржуазныхъ семействъ, студенты, студентки, натурщицы, искатели и искательницы приключеній.

Все это танцуетъ, шумитъ, бродитъ по заламъ. Со всѣхъ сторонъ раздаются откровенныя рѣчи.

— Сударыня, что толку въ нашемъ кавалеріи?

— Моее, оиъ скромнѣе и я цѣню въ немъ заслугу эту!

— Ахъ, блѣдный рыцарь, — не разбили ль ваше сердце?

— Ахъ, фея, — вашъ милый голосъ удержалъ его на мѣстѣ!

Серпантинъ вьется змѣйками по всей залѣ, попадетъ въ волосы, на платье.

Воздухъ насыщенъ плавными звуками вальса.

Кажется, что этому слегка онянченному веселью, этой мимолетной игрѣ жизни, этой до остроты обнаженной вальсирующей правдѣ жизни конца не будетъ. Кажется, что это будетъ продолжаться долго, долго.

Но сквозь тяжелыя драпри прокрадывается полоска изумрудно-голубого свѣта наступающаго дня. Медленно гаснутъ электрическія лампочки. Музыка устало, словно нехотя, доигрываетъ послѣдніе танца.

Лучи солнца нарушаютъ праздникъ ночи.

Но кто заботится о днѣ, о жизни дня во время карнавала?

Наглухо закрываешь ставни у себя въ комнатѣ и... спать, спать до вечера.

А тамъ снова беззаботное игривое веселье. И такъ продолженіе всей масленицы.

Долго послѣ нея находишь какъ-то случайно въ углу своей комнаты кружокъ серпантина и невольно вспоминаешь веселый карнавалъ.

Онъ уже въ прошломъ.

Окна мансарды открыты настежь. Легкій весенній вѣтеръ цѣлуетъ лицо твое.

Птицы весело щебечутъ.

Внизу передъ глазами живописно разбросанъ городъ.

Сквозь дуновение весны ощущаешь жизнь яркой и сочной.

А сзади на мольбертѣ линіи и краски, которыя поютъ въ душѣ.

На письменномъ столѣ шелестятъ листы исписанной бумаги.

Хороша весна послѣ карнавала!

Оскаръ Норвежскій.

Казахскія письма.

Commençons par le commencement. Чтобы там ни говорили, въ частной антрепризѣ—личность антрепренера всегда имѣетъ рѣшающее значеніе для хода всего дѣла, особенно если этотъ антрепренеръ еще артистъ. Считаю поэтому необходимымъ прежде всего поговорить о г. Соболицковѣ-Самаринѣ. Человѣкъ предприимчивый и дѣятельный, г. Соболицковъ-Самаринъ является теперь едва ли не самымъ крупнымъ въ Россіи антрепренеромъ. Въ предстоящій зимній сезонъ г. Соболицковъ-Самаринъ будетъ владѣть и руководить въ трехъ большихъ городахъ: въ Ростовѣ-на-Дону, Казани и Саратовѣ, гдѣ имъ заарендованы два театра: городской и народный. Для Казани и Саратова онъ обязанъ позаботиться кромѣ драматической и обѣ оперной труппѣ. Впрочемъ, отъ опернаго дѣла г. Соболицковъ въ послѣдніе годы устранился и передаетъ веденіе дѣла другимъ лицамъ, что однако не освобождаетъ его отъ отвѣтственности передъ контрагентами, ибо дѣло идетъ все же подъ его фирмой. Но жажда дѣятельности у г. Соболицкова непомѣрная. Истинно человѣкъ „американской складки“. Ему мало четырехъ большихъ театровъ; онъ претендуетъ еще и на Нижегородскій театръ. Лѣтомъ г. Соболицковъ велъ большое дѣло въ Екатеринбургѣ, а нынче нашъ антрепренеръ ѣдетъ на лѣто въ Ташкентъ на службу, въ труппу своего же управляющаго г. Полонскаго, съ которымъ онъ такимъ образомъ мѣняется если не ролями, то положеніемъ, превращаясь изъ „хозяина въ работника“. При этомъ г. Соболицковъ еще пишетъ пьесы, ставитъ чужія пьесы какъ режиссеръ и выступаетъ въ качествѣ актера. И по справедливости приходится сказать, что все это г. Соболицковъ дѣлаетъ несма недурно. Пьеса его „Камо грядеши“ и др. прочно держатся въ репертуарѣ. Режиссеръ г. Соболицковъ очень добросовѣстный и внимательный, хотя по части обстановки „прижимаетъ“, тутъ антрепренеръ побѣждаетъ режиссера. Не раздѣлился напримѣръ г. Соболицковъ даже для „Лиры“, который шель въ его бенефисѣ. Пьеса обставлена была скупо, убого, начиная съ костюма самого Лира.

Какъ актеръ г. Соболицковъ пользуется большимъ и неизмѣннымъ успѣхомъ. Лучше всего ему удаются, по моему, бытовые, характерныя роли, но и въ „Лирѣ“ онъ былъ вполне приличенъ. Кстати скажу объ этомъ бенефисѣ. Онъ прошелъ весьма парадно. Полный театръ, вызовы, подношенія... очень много подношеній, между ними и отъ признательной Театральной комиссіи. Возражать противъ такого рода подношеній не приходится. Дѣло вкуса. Но меня удивляетъ, что г. Соболицковъ, въ общемъ весьма корректный антрепренеръ, не отказывается отъ дурной традиціи, требующей цѣнныхъ подношеній отъ труппы. Пора бы, право, оставить это. Вѣдь ни для кого не секретъ, что всѣ эти подноски составляютъ со скрежетомъ зубновымъ, только болѣе или менѣе искусно скрытымъ. По части благодарныхъ чувствъ, якобы переполняющихъ актерскія сердца и ищущихъ выраженія въ день бенефиса антрепренера, четко и грамотно написанный адресъ всегда выразитъ больше, чѣмъ нѣмой холодный блескъ серебряныхъ и прочихъ цѣнныхъ подношеній. Повторяю, достоинство антрепренера, да еще большого антрепренера, требуетъ, чтобы эта традиція подношеній или иначе контрибуціи съ актеровъ была отмѣнена.

Кромѣ бенефицианта, г. Соболицкова, въ „Лирѣ“ была занята почти вся труппа. Большой успѣхъ имѣлъ г. Людвиговъ (Кентъ), г. Васильевъ (Эдгаръ), живописенъ и красивъ былъ г. Добровольскій. Какъ всегда хорошо былъ г. Боуръ. Женскія роли трехъ дочерей были удачно распредѣлены между г-жей Милицъ (Гонерилья), г-жей Петила (Регана) и г-жей Львовою, которая въ роли Корделии сумѣла передать трогательныя черты Шекспировскаго образа.

Публика слушала и смотрѣла пьесу съ захватывающимъ интересомъ и горячо принимала исполнителей.

Я особенно охотно останавливаюсь на успѣхѣ „Лиры“, потому что именно изъ-за классическаго репертуара я давно имѣю зубъ противъ г. Соболицкова-Самарина. Онъ питаетъ рѣшительное нерасположеніе къ классическому репертуару. За весь сезонъ была поставлена только одна пьеса Островскаго „Безъ вины виноваты“. И то эта пьеса поставлена была только потому, что г. Васильеву угодно было выбрать ее для своего дебюта (Незнамовъ). Островскій, по мнѣнію г. Соболицкова устарѣлъ и не можетъ дѣлать сборовъ, не можетъ заинтересовать публику. Участъ Островскаго дѣлать Гоголь, Грибоѣдовъ, Чеховъ, Горькій, Шекспиръ, Ибсенъ, Гауптманъ и др. (Оговариваюсь тутъ же, что я говорю о репертуарѣ до 1 февраля. Но, насколько мнѣ извѣстно и въ февралѣ репертуаръ кореннымъ образомъ не измѣнился). Даже для утренниковъ, для общедоступныхъ и праздничныхъ спектаклей г. Соболицковъ не допускалъ на сцену классиковъ.

Надо ли доказывать, что г. Соболицковъ глубоко неправъ и беретъ на свою совѣсть тяжкій грѣхъ? Забудьте, что театр у насъ городской, что онъ единственный въ городѣ. Кадры зрителей обновляются ежегодно притокомъ молодежи,

которая такъ сказать создѣвается для театра. По винѣ г. Соболицкова эта молодежь лишена воспитательнаго воздѣйствія великихъ классическихъ твореній и должна воспитываться на обычномъ пестренькомъ репертуарѣ „съ пылу, съ жару“. Чѣмъ новѣе, тѣмъ лучше. И представьте, существуетъ у насъ театральная, многочисленная комиссія, которая молчаливо присутствуетъ и одобряетъ это изгнаніе классическаго репертуара со сцены городского театра. Надо правду сказать, что наша театральная комиссія удивительно послѣдовательна. Въ этотъ сезонъ она нашла нужнымъ запретить антрепренеру „Пробужденіе весны“ и охотно допустила „Что имѣете предъ-завѣить?“ Какъ говорится, комментарии излишни. Г. Соболицковъ по этому поводу справедливо злорадствовалъ, и хотя самъ онъ по части репертуара человѣкъ достаточно рѣшительный и храбрый, но афишу съ „Что имѣете“ снабдилъ заявленіемъ, что пьеса ставится по инициативѣ устроителей. (Фарсъ шель въ благотворительный спектакль). Такимъ образомъ г. Соболицковъ умылъ руки въ этомъ дѣлѣ, хотя и онъ и артисты имѣли полное право отказаться играть въ фарсѣ. Это было бы гораздо достойнѣе.

Если какъ антрепренеръ г. Соболицковъ извѣстенъ, какъ человѣкъ безусловно вѣрный и солидный, и актеры очень охотно идутъ къ нему на службу, то какъ директоръ театра, какъ за-нѣдующій труппой, онъ вызываетъ среди актеровъ не мало нареканій. Человѣкъ онъ вѣжливый, любезный, но актеры не чувствуютъ въ немъ любовнаго отношенія къ дѣлу. Коммерція заѣла г. Соболицкова. Маленькое окошечко кассъ загнипозировало его и заслонило передъ нимъ широкое, свѣтлое окно истиннаго искусства. Актеры жалуются, что г. Соболицковъ именно какъ актерами, мало ими интересуется; когда онъ не занятъ, онъ никогда пьесы не смотритъ. При распредѣленіи ролей мало считается съ индивидуальностью актера. Угнетаетъ актеровъ и безконечно пестрый репертуаръ, требующій изнурительной работы. Пьесы идутъ съ двухъ—трехъ репетицій, многія пьесы идутъ не болѣе одного раза, рѣдкая пьеса проходитъ три—четыре раза. Хотя, съ другой стороны, если актеру повезло, если на его долю выпадаютъ хорошія роли, онъ, конечно, жаловаться не будетъ и готовъ играть каждый день новую пьесу. Въ сущности эта бѣшеная погоня и подхлестыванье публики безпрестанными новинками стало обычнымъ и большимъ зломъ провинціальныхъ театровъ, но конечно, говорить о „художественной“ постановкѣ при такихъ условіяхъ не приходится. Однако еще не всѣ провинціальные антрепренеры держатся системы г. Соболицкова. Такъ, у г. Незлобина пьесы, говорятъ, выдерживаютъ по 10—12 представлений.

Упомяну еще, что актеры нашей труппы ворчали, конечно, потихоньку на то, что г. Соболицковъ, когда играетъ, пишетъ себя на афишахъ въ красную строку. Дѣйствительно, въ труппѣ нашей есть сценическіе дѣятели (назову хотя бы г. Людвигова) которые, если ужъ примѣнять красную строку, имѣютъ на нее не меньше правъ, чѣмъ г. Соболицковъ, между тѣмъ въ отношеніи всѣхъ артистовъ г. Соболицковъ строго держался алфавита. Исключеніе допустилъ только для себя. Разумѣется, „своя рука—владыка“, но справедливость тоже вѣдь существуетъ.

Письмо мое растянулось и я вынужденъ отложить до слѣдующаго письма свѣдѣнія о репертуарѣ и артистахъ нашей труппы. На этотъ разъ мнѣ хотѣлось бы сдѣлать еще только одно общее замѣчаніе: какъ обстоитъ у васъ дѣло съ „бытомъ?“ Упрядняется, упрядненъ, или еще живъ старикъ? Я долженъ сознаться, что я самый фанатическій сторонникъ всего новаго въ искусствѣ и въ частности на сценѣ. Я за все новое на сценѣ, хотя бы только потому, что оно есть новое. Новое всегда таитъ въ себѣ здоровыя зерна, которые дадутъ всходы, а плевелы погибнутъ. Давайте же и намъ, провинціаламъ и стилизацію, и примитивы, и символизмъ и пр. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я лично полагаю, что съ упрядненіемъ быта пришлось бы упразднить и провинціальные театры. Всѣ новыя теченія въ искусствѣ требуютъ такой громадной затраты труда и средствъ, которыя мыслимы только при расчетѣ на десятки

ТЕАТРЪ ЛИГ.-ХУД. ОБЩ.

„Солдаты и черти“.

Солдаты (г. Михайловъ.) Шаржъ.

представлений одной пьесы. Гдѣ же вы возьмете въ провинціи публику для ряда представлений одной и той же пьесы?

Это одна сторона дѣла. Ни одна труппа не выдержитъ сезона, если она придетъ съ пятью—шестью пьесами, а при стилизации, при деспотически режиссерскомъ режимѣ, вообще при постановкѣ въ новыхъ тонахъ большее число пьесъ поставить не удастся. Пришлось бы развѣ прибѣгнуть къ переходнымъ труппамъ, къ кочевой системѣ, постоянною переименованію труппы. Дѣло неосуществимое. Второе и еще болѣе важное, это то, что современный актеръ все еще только въ бытовыхъ пьесахъ чувствуетъ себя, какъ гонимца, въ своей тарелкѣ. У насъ, по крайней мѣрѣ, только бытовые пьесы оставили сильное впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, почти безупречно прошла „Новая жизнь“ (г. Людвигъ—великолѣпный Ратоборцевъ, заимривавшій въ послѣднемъ дѣйствіи, если не ошибаюсь, Тургеневымъ). Въ этой же пьесѣ бодро и ярко играли г. Добровольскій (Визмитиновъ), типичныя и забавныя были г. Кручининъ (Корчагинъ) и Лукинъ (Козыренко). Даже съ неблагоприятною ролью шута Семирадскаго очень удачно справился молодой, даровитый актеръ г. Муратовъ. Прекрасно были сыграны женскія роли: г-жа Миличъ (Харитина), г-жа Нелюбова (жена Ратоборцева), г-жа Можанская (Агнія) и г-жа Славотинская (Олимпиада). Какъ видите, мнѣ пришлось пересчитать почти всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Пьеса шла съ большимъ подъемомъ и простодушная публика радостно и чуточку воспринимала безхитростный оптимизмъ г. Потанина, съ наслажденіемъ слушала переѣзную авторомъ на новый ладъ „Волшебную сказку“ жизни.

Я остановился случайно на пьесѣ г. Потанина. Если бы я взялъ другую пьесу этого же жанра, напримѣръ „Хорошенькую“, гдѣ главная роль была прекрасно исполнена г-жей Петина и гдѣ опять такіе и остальные актеры гг. Буръ, Людвигъ, Васильевъ, г-жи Миличъ, Можанская и др. дали отличный ансамбль, или „Волну“, или педешъ въbenefit талантливаго г. Валуа „Убѣжище“, педешъ я долженъ былъ бы сказать то же самое: одни лучше, другіе хуже, но всѣ играли увѣренно и дѣлали свое дѣло. Но вотъ оставили „Пробужденіе песни“, „Духъ земли“, „Сестру Беатрису“. Впечатлѣніе смутное, неопредѣленное, публика расходилась неудовлетворенная. Въ „Сестрѣ Беатрисѣ“ чувствовалась разнородность. Один, напримѣръ, г-жа Панинская, игравшая небольшую роль, видимо играла въ новыхъ тонахъ. Всѣ другія, начиная съ самой Беатрисы (г-жа Миличъ) играли неуверенно, не выдержали. Публика недоумѣвала, а „Чудо св. Антонія“ имѣло нѣкоторый успѣхъ только потому, что г. Людвигъ отлично сыгралъ Антонія, а отчасти и потому, что вся пьеса сблизилась на самый обыкновенный фарсъ.

Я долженъ ограничиться сказаннымъ. Болѣе подробно въ слѣдующемъ письмѣ. М. Земболицъ.

Новыя издскія „Театра и Искусства“.

„Бомба“. Шуточный эскизъ въ 1 д. соч. Л. И. Г. Веселая шутка съ несложнымъ, но забавнымъ, сюжетомъ: Старикъ Козьякинъ, недавно разбогатѣвшій, собирается жениться на дѣвушкѣ хорошаго круга, дѣлаетъ ей предложеніе и ждетъ письменнаго отвѣта отъ ее матери. Лакей приноситъ письмо и завернутый арбузъ, символизирующій, по малорусскимъ обычаямъ, отказъ. Козьякинъ принимаетъ арбузъ за бомбу и на этомъ разыгрывается рядъ забавныхъ qui pro quo. Роль 5; мужскихъ—4, женскихъ—1. По амилу: Козьякинъ—комикъ, Лакей—характерн. простакъ, Швейцаръ и Старшій дворянинъ—вторыя роли, Варвара—комич. старуха. Декорация—комната, кабинета Козьякина. Продолжительность 20—25 минутъ.

„Вторая опасность“ Мориса Доннэ, переводъ Е. С. Эта пьеса извѣстнаго французскаго автора прошла какъ-то незамѣченной русскимъ театромъ, не смотря на то, что составляла года два назадъ гвоздь „Comédie Française“, гдѣ главную роль играла Варте. Гастроли Дузэ напомнили объ этой пьесѣ. Гениальная артистка должна, по справедливости, считать роль Клары едва-ли не наиболеею совершенной. Причина—въ необычайной простотѣ положенія. Тема, въ сущности, очень не нова, даже избита—„опасность“ старѣющей женщины, которой приходится отказываться отъ любовника. Но Доннэ осложнили положеніе „второй опасностью“; эта „вторая опасность“ въ томъ, что матери приходится уступить любимаго человѣка собственной дочери. Легко понять, какую гамму душевныхъ настроеній даетъ артисткѣ такая концепція роли.

Пьеса Доннэ, вообще, „женская“, такъ какъ кромѣ главной роли Клары, есть еще прекрасная (конечно, трафаретная, какъ у огромнаго большинства французскихъ авторовъ) роль ingénue. Всего ролей 18, но можно (и должно) сдѣлать купюры, вслѣдствіе чего количество ролей со словами значительно сокращается. Вообще, купюры въ этой пьесѣ очень полезны, особенно въ первомъ актѣ, который есть прологъ пьесы. При постановкѣ пьесы, режиссеру слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на финаль 1 акта. Самый финаль,

т. е. высшій кульминаціонный пунктъ его есть явленіе 5 (Френдьеръ—любовникъ—герой, главная мужская роль и Клара—драматическая героиня). Явленіе 6 и 7 надо купюрами сдѣлать возможно короче. Явленіе 5—все на мимической игрѣ, Френдьеръ и Клара слушаютъ музыку, доносящуюся въ садъ изъ дома. Паузы, мимику и движенія, выражающія фатальное назрѣваніе любовной страсти, необходимо согласовать съ музыкой. Это сцена красиваго настроенія. Актъ второй обыкновенный паньлонъ. Актъ 3 былъ заданъ съ аркой. Актъ 4—паньлонъ. Кромѣ названныхъ 3 ролей, есть только вторыя роли (для вторыхъ любовниковъ, комиковъ, резонеровъ, грациозныхъ, вторыхъ coquettes и пр.). Въ 3 актѣ режиссеру пьесы слѣдуетъ сдѣлать за сценою. Въ этомъ актѣ есть также интересная мимическая сцена, когда Френдьеръ, снѣною къ публикѣ, смотритъ на танцующихъ, а Клара фиксируя Френдьера, догадывается, на кого онъ смотритъ и подходитъ къ нему сзади. Продолжительность пьесы, при соответствующихъ купюрахъ, не болѣе 2 часовъ.

Провихціальная лѣтопись.

ВЕЛИКЕ-ЛУКИ, Псков. губ. Подписавшаяся въ театрѣ Корчакскаго драматическаго труппа подъ управленіемъ г. Ковальскаго—Страннскаго вслѣдствіе постоянныхъ раздоровъ, среди членовъ труппы распалась. Дѣла были въ общемъ приличные, но драги да штриги погубили предпріятіе г. Страннскаго. Часть актеровъ уѣхала, а значительное количество пенуищихъ въ нужденіи были, запознать послѣдніе крохи, перебраться въ сосѣдній городъ Невель, гдѣ устроили рядъ спектаклей. Надежды ихъ въ Невелѣ не оправдались. Сборы оказались мизерными. Тогда актеры двинулись въ Городокъ, Витеб. губ. Но и здѣсь ихъ ожидала полная неудача. Промаявшись, несчастные лидеды бросили в Городокъ. Кто поѣхалъ въ Москву, кто въ провинцію, а режиссеръ кое-какъ добрался до Петербурга. Тяжела жизнь русскаго актера. С. П. К.

СЕВАСТОПОЛЬ. Первой зимней сезонъ, когда рѣшила у насъ обосноватися серьезная драма. Антрепренеръ Болдыревъ, снявши залъ Городскаго Собранія, перевезъ изъ Харькова перель Рождествомъ свою труппу. Антрепренеръ его отпѣлся не успѣвши расчистить. Черезъ двѣ недѣли онъ объявилъ труппѣ, что больше платить ему нечѣмъ и предложилъ получить жалованье за праздники подъ условіемъ, что отъ дальнѣйшихъ претензій къ нему артисты отказываются.

Изъ оставшихся артистовъ сформировалось товарищество подъ управленіемъ Корсикова Андрея, которое начало успѣшно работать въ томъ же залѣ Городскаго Собранія. Прошли многія поинки.

Въ труппѣ выдѣляются: гг. Мартыновъ, Барскій, Корсиковъ—Андреевъ; г-жи Бартечева, Азанченская, де-Брюккъ.

Обыкатель.

ЖИТОМІРЪ. Оперная труппа г. Бѣляева велика не въ мѣру; аппетита у всѣхъ приличные, сборы же—совсѣмъ неприличные.

Шутка ли сказать,—одинъ теноровъ шесть человѣкъ, да сверхъ того два компримарю съ хорошими голосами и съ пертураромъ первыхъ ролей.

Не повезло труппѣ, не смотря на солидный составъ. Всеиу виновата наша злосчастная узкоколейка. Ея игрушечные вагоны застряли въ сѣтѣ, и труппѣ пришлось пробираться изъ Бердичева на лошадахъ въ морозъ и холодъ, я въ тотъ же день пѣть.

Первый спектакль („Пиковая дама“) проишелъ не плохо, но нѣсколько вяло,—и этого достаточно было, чтобы публика безапелляционно рѣшила, что труппа никакуда не годится. Всякіе доводы—лишны.

Жаль труппы, жаль труженниковъ, заслуживающихъ большаго вниманія. Г-жи Асланова, Глѣбова, Ванда Ронковская, Карри, Добржанская, Янса; гг. Арцимовичъ, Евгеньевъ-Дарскій, Свѣтловъ, Гагаенко, Семеновъ,—все это видные служители сцены; прекрасные, молодые, свѣжле голоса у гг. Корчмарева, Коммисаржевскаго, Горленко, Горчакова, Сандуци, Камчатова и др.

Сверхъ того въ труппѣ хороше дирижеры—очень способный г. Пазовскій и трудолюбивый г. Каршонъ, небольшою, но хорошо подобраннымъ оркестрѣ, сносный хоръ и вполне приличный балетъ подъ управл. г. Джіонасси, съ прима-балериной г-жей Ленчевской. Сначала не ушлвали; издѣлялись на новыя оперы. Но „Заза“ дала неполный сборъ, и только „Неронъ“ утѣшилъ, давъ три почти полныхъ сбора. Ухватились за оперетки. Думали, что заманить публику „Прекрасная Елена“. Правда, на первомъ представленіи театръ былъ переполненъ, а на второмъ—не густо. Единственная надежда осталась на „Веселую вдову“.

Спектакли обставляются очень добросовѣстно и проходятъ стройно.

На-дняхъ городской театръ дана г. Бѣляеву на 3 года съ условіемъ, что 2 лѣтнихъ мѣсяца театръ долженъ быть свободенъ для ремонта; при чемъ г. Бѣляевъ обязуется дать новыя декорации и кулисы. А. Д.

ТИФЛИСЬ. Мало интереснаго даль январь и въ оперѣ, и въ драмѣ. Въ казенномъ театрѣ, если не считать возобновленнаго въ бенефисѣ дирижера г. Галинкина „Роберта-Дьявола“, — ни одной новой постановки. Вообще, дѣла оперы очень слабы. Сборы ниже среднихъ. Труппа громадная. Но работаетъ, несетъ репертуаръ очень маленькая группа. Остальные артисты и особенно артистки выступаютъ разъ или два въ мѣсяцъ, ложась въ то же время тяжелымъ бременемъ на бюджетъ. Г. Харюковъ, фактической антрепренеръ, долженъ артистамъ уже за 1½ мѣсяца. На почвѣ неплатежа денегъ пересталъ выступать теноръ г. Саяновъ. Не берусь судить, кто правъ въ конфликтѣ между гг. Саяновымъ и Харюковымъ: долженъ лишь отмѣтить, что не получивъ потребованныхъ денегъ, г. Саяновъ за 2 часа до спектакля отказался пѣть Андрія въ „Мазепѣ“ и его замѣнилъ г. Махинъ. А г. Харюковъ пересталъ совсѣмъ ставить г. Саянова на афишу. — Робертъ-Дьяволъ поставленъ довольно тщательно. Хорошо, поетъ г. Копполо заглавную партію. Великолѣпнъ г. Сибиряковъ — Бертрамъ. Прекрасно звучитъ голосъ г-жи Марковой въ партіи Алисы. Прилично проводитъ роль Дембо г. Платоновъ. И только г-жа Побожіева (принцесса) своей робостью и крошечнымъ голосомъ со слабой колоратурой вносятъ нѣкоторый диссонансъ. Да еще хоры недостаточно усвоили вступления и иногда поютъ въ разрывъ съ оркестромъ. Самъ г. Галинкинъ съ большимъ увлеченіемъ и энергіей ведетъ оперу. — Новая дирекція казеннаго театра оказалась не чуждой бюрократическихъ замашекъ. Такъ, артистъ г. Саяновъ получилъ формальный выговоръ, за то, что въ „Корнелинскихъ колоколахъ“ сказалъ: „Я вижу тѣла Стесселя и Фока“.

У г-жи Яворской состоялось три бенефиса: гг. Аярова, Шорштейна и Федотова. Г. Аяровъ добросовѣстный, трудолюбивый артистъ въ текущемъ сезонѣ несъ на своихъ плечахъ почти всю тяжесть репертуара. Въ свой бенефисъ г. Аяровъ поставилъ пьесу Чирикова „За славой“, въ которой онъ выдержано сыгралъ роль хохла художника. Г. Шорштейнъ для своего бенефиса остановился на заѣженной „Трильби“. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя обстоятельства временно оторвали меня отъ театра и на бенефисъ я не былъ. Но, судя по отзывамъ газетъ, г. Шорштейнъ — Сигналы былъ очень хорошъ. Г. Шорштейнъ артистъ неровный. Если роль г. Шорштейну не правится, онъ играетъ ее слабо, безъ всякой охоты, зачастую даже не выучивъ текста. Въ роляхъ же „по душѣ“ г. Шорштейнъ развертывается во всю и даетъ много интересныхъ художественныхъ моментовъ. Да прости мнѣ г. Федотовъ, если я скажу, что артисту наиболѣе удаются роли свѣтскихъ идіотовъ. Поэтому изъ роли („Въ шѣтахъ“), которую онъ выбралъ для своего бенефиса, ровню ничего не вышло. И все же приходится констатировать, что въ матеріальномъ отношеніи самымъ удачнымъ, послѣ бенефиса г-жи Яворской, былъ бенефисъ г. Федотова. Былъ сборъ, были цѣнные подношенія. Сезонъ подходит къ концу. И съ горестью приходится отмѣтить, что за все время существованія Артистическаго Общества этотъ сезонъ одинъ изъ самыхъ неудачныхъ.

Одной интересной постановки, которая остановила бы на себѣ вниманіе публики, заставила бы о себѣ говорить. И дабы ни одной новой интересной роли.

Армянская сцена 28 января праздновала свое пятидесятилетіе. Этотъ юбилей — нѣкоторая натяжка. 28 января 1858 г. въ Москвѣ поставленъ былъ первый оригинальный водевиль на армянскомъ языкѣ. Но отъ этой постановки до идеи объ армянскомъ театрѣ дистанція огромнаго размѣра. Только въ семидесятыхъ годахъ появилась постоянная труппа, началъ складываться репертуаръ. И до сихъ поръ первымъ и почти единственнымъ армянскимъ драматургомъ является Гаур. Сундукьянцъ, армянскій Островскій. Юбилей прошелъ честь честью. Съ рѣчами, статуей Мельпомены и всѣми прочими атрибутами.

Музыкальное общество помимо квартетныхъ собраній устраиваетъ ежегодно нѣсколько симфоническихъ собраній въ казенномъ театрѣ. Такихъ собраній въ этомъ сезонѣ было три. Оркестръ казеннаго театра, пополненный преподавателями и учениками, музыкальнаго училища звучитъ довольно полно. Посѣщаются концерты охотно, хотя исполненіе и выборъ пьесъ далеко не удовлетворяютъ мало-мальски взыскательнаго слушателя. Застывъ въ рутинѣ, Общество почти не старается знакомить публику съ новѣйшими теченіями въ музыкѣ, предпочитая повторять старыя, хорошо знакомыя, произведенія Бетховена, Чайковского и др.

Противъ этого нельзя было бы спорить, если бы на ряду съ классическими произведеніями публика могла ознакомиться съ новыми композиторами, съ Рахманиновымъ, Аренскимъ, Глазуновымъ и др. Но къ сожалѣнію произведенія этихъ музыкантовъ почти никогда не появляются въ программахъ симфоническихъ концертовъ.

Песни.

КИШИНЕВЪ. Въ своей послѣдней замѣткѣ (№ 45) я сообщилъ репертуаръ гостящей у насъ драматической труппы г. Смирнова за первый мѣсяцъ, съ 29 сентября по 29 октября. Съ этого времени по 1 января шли слѣдующія пьесы: 30 октября — „Черные вороны“ при валовомъ сборѣ въ 334 р., 31-го: „Ревизоръ“, — 118 р., 2-го ноября (второй бенефисъ г-жи Днѣпровой)

„Маленькій Эйольфъ“ и „Тайна“ — 517 р., 3-го: „Гусарская лихорадка“ — 219 р., 4-го днемъ: „Ревизоръ“ — 202 р., вечеромъ „Черные вороны“ — 408 р., 5-го: „Нравственность пани Дульской“ (благотворительный) — 400 р., 7-го: „Черные вороны“ — 406 р., 9-го „Перекаты“ (бенефисъ г. Семенова-Самарскаго) — 307 р., 10-го „Коварство и любовь“ — 134 р., 11-го днемъ „Женитьба“ и „Нахлѣбникъ“ — 88 р., вечеромъ „Гусарская лихорадка“ — 117 р., 13-го „Моя родина“ — 199 р., 14-го „Три сестры“ — 102 р., 15-го Пробужденіе весны — 156 р., 16-го „Грѣхъ“ и „Дорога въ адъ“ (бенефисъ г-жи Побѣдовой) — 266 р., 17-го „Красотка съ дивными глазами“ — 137 р., 18-го „Моя родина“ — 107 р., 19-го „Слушай, Израиль“ — 86 р., 21-го днемъ „Маленькій Эйольфъ“ — 65 р., вечеромъ „Камо грядеши“ — 366 р., 22-го „Красотка съ дивными глазами“ — 93 р., 23-го „Народный представитель“ (бенефисъ г. Фурсова) — 217 р., 24-го „Дѣльцы“ — 90 р., 25-го днемъ „Двѣ сиротки“ — 114 р., вечеромъ „Богъ мести“ и „Чудо странника Антонія“ — 241 р., 26-го „Моя родина“ (благотвор.) — 400 р., 28-го „Камо грядеши“ — 127 р., 29-го „Послѣдняя жертва“ и представленіе японскихъ гейшъ — 807 р., 30-го „Нравственность пани Дульской“ и представленіе гейшъ — 600 р., 1-го декабря „Трильби“ — 125 р., 2-го днемъ „Двѣ сиротки“ — 109 р., вечеромъ „Сѣверные богатыри“ — 180 р., 4-го „Ромео и Джульетта“ (второй бенефисъ г. Лирскаго-Муратова) — 485 р., 5-го „Джонъ Габриэль Боркманъ“ (гастроль г. Лепковского) — 244 р., 6-го днемъ „Камо грядеши“ — 108 р., вечеромъ „Разбойники“ — 115 р., 7-го „Богъ мести“ — 80 р., 8-го „Сѣверные богатыри“ — 112 р., 9-го днемъ „Мертвыя души“ — 191 р., вечеромъ „Рафльсъ, воръ любовей“ — 118 р., 11-го „Орленокъ“ (бенефисъ г-жи Зарѣцкой) — 349 р., 13-го „Амуръ и Кю“ — 347 р., 14-го „Новый мѣръ“ (бенефисъ г-жи Ардаловой) — 87 р., 15-го „Рафльсъ“ (благотвор.) — 450 р., 16-го днемъ „Ромео и Джульетта“ — 128 р., вечеромъ „Сестра Тереза“ — 97 р., 18-го „Гроза“ (благотвор.) — 450 р., 19-го „Больные люди“ и „Золотая Ева“ (благотвор.) — 325 р., 20-го „Пляска жизни“ (благотворит.) — 350 р., 21-го „Орленокъ“ (благотвор.) — 300 р., 22-го „Общество поощренія скуки“ (благотвор.) — 375 р., 26-го днемъ „Пробужденіе весны“ — 173 р., вечеромъ „Императрица Жозефина“ — 248 р., 27-го днемъ „Потонувшій колоколь“ — 214 р., вечеромъ „Хорошенькая“ — 273 р., 28-го „Дѣти капитана Гранта“ — 215 р., 29-го днемъ „Петербургскія трущобы“ — 175 р., вечеромъ „А у васъ есть что предложить“ — 435 р., 30-го днемъ „Донъ Кихотъ“ и елка съ подарками — 383 р., вечеромъ „Объ одномъ шутѣ“ — 206 р., 31-го „Блаженство рая“ и балъ-маскарадъ — 308 руб. Кромѣ этихъ спектаклей, въ виду занятія театра Благороднаго собранія noch lotерею-аллегри, труппой былъ данъ въ польскомъ залѣ имени Мицкевича 1-го января одинъ спектакль „Графиня Юлія“ и „Денежные тузы“ при сборѣ въ 36 руб. и объявленъ, но затѣмъ отмѣненъ спектакль въ томъ же залѣ 2-го января „Донъ Жуанъ“.

Къ сказанному нѣсколько примѣчаній. За отчетное время въ труппѣ произошли кое-какія перемѣны: къ концу второго мѣсяца изъ труппы вышелъ В. Ф. Эльскій и на его мѣсто вступилъ А. А. Чаргонинъ. На праздникахъ вышелъ изъ состава, труппы С. Я. Семеновъ-Самарскій, незамѣненный пока никѣмъ. Пьеса „Черные вороны“ была снята администраціей съ репертуара послѣ третьяго представленія. Уже второе представленіе пьесы шло съ купюрами, въ третье же представленіе пьесу совсѣмъ узнать нельзя было. Артистовъ, однако, именно въ этотъ разъ забросали тряпками, сельдями, огурцами. По старой памяти, вѣроятно. Очень оригинально аттестована была въ бенефисныхъ программахъ г. Фурсова пьеса „Народный представитель“, какъ злободневная сенсационная новинка, идущая всюду съ громаднымъ успѣхомъ съ особаго разрѣшенія автора. Sic!

Донъ Кихотъ.

ДВИНСКЪ. Съ открытіемъ сезона 26 сентября, драматической труппой С. А. Трефилова были поставлены слѣдующія пьесы: „Въ старые годы“, „Уриель Акоста“, „Непогребенные“, „Слушай, Израиль“, „Подъ звуки Шопена“, „Богъ мести“, „Дама отъ Максима“, „Хаосъ“ (2 р.), „Дѣти солнца“, „Стѣна“, „Склепъ“ (2 р.), „Гамлетъ“, „Жизнь чловѣка“ (2 р.), „Въ городѣ“, „Погромъ“, „Вечерняя зоря“ (2 р.), „Вторая молодость“, „Трое“, „Спаситель“, „На пути въ Сіонъ“, „Жидовка“, „Отелло“, „Горе отъ ума“, „Смерть Іоанна Грознаго“, „Царь Федоръ Іоанновичъ“, „Ревизоръ“ (бен. Трефилова), „Петербургскія трущобы“, „Воскресеніе“, „Лѣсъ“, „Волна“ (2 р.), „Измѣна“ (2 р.), „Варвары“, „Madame Sans Gêne“, „Тюрьма“, „Вишневы садъ“, „На днѣ“, „Порченые“, „Ивановъ“, „Честь“ (бен. г. Альгина), „Мораль пани Дульской“, „Измѣна“, „Новый мѣръ“, „Разбойники“, „Фрина“, „Гусарская лихорадка“, „Ночь въ казармахъ“, „Дорога въ адъ“, „У васъ есть что предложить?“, „Радій“.

Особенно удачно прошли пьесы: „Черные вороны“, „Строители жизни“, „Смѣйся, солнце“, „Власть тьмы“ и „Рабство“. Составъ труппы слѣдующій: Г-жи Елшина (героиня), Трефилова I (ком. и драм. старуха), Буланцева (ing. dram.), Арсеньева (бытовая роли), Трефилова II (ing.), Бартенева (2 ing.), Славина (2 стар.), Раевская (водевиль.); гг. Алашевскій и Щеголевъ (резонеры), Аркадьевъ и Драницынъ (2 резонеры), Альгинъ (любов.), Зарничинъ и Бояровъ (простаки), Трефиловъ и

Капьеръ (комикъ), Оленчиковъ (2 любовникъ), Ослоровъ (2 комикъ), Истоминъ (выхода) и Полозовъ (суфлеръ).

Вновь заслуженнымъ успѣхомъ пользуется молодая артистка г-жа Елшина. Сценическая вышность, большой голосъ и темпераментъ Г-жа Трефилова I — талантливая „старуха“. Г-жа Буланцева — слабая *op. dram.* Лучше въ роляхъ съ оттъникомъ *coquette*. Г-жа Трефилова II — молодая, способная актриса, но къ сожалѣнью склонна къ „перепрыгиваню“. Г. Альпинъ — непроститель-любимецъ, но очень слабый „герой“. Для послѣднихъ ролей у него не хватаетъ голоса и темперамента. Однообразенъ Гг. Алашеевскій и Цеголевъ — оба способные и опытные актеры. Первый еще и толковый режиссеръ.

Г. Зарининъ пользуется большимъ успѣхомъ въ фарсахъ. Большую пользу дѣлу приносятъ гг. Аркадьевъ, Дранницинъ, Воиновъ, всегда добросовѣстно относящійся къ поручаемымъ имъ ролямъ.

Большой недостатокъ — недостатокъ артистовъ. Такъ напр. въ труппѣ нѣтъ совершенно „героя“, „*dr. dame*“, „*dr. coquette*“ и характ. роли.

Вообще же труппа производитъ благоприятное впечатлѣнiе.

Л. Воиновъ.

МАРИУПОЛЬ. Репертуаръ съ 26 декабря 1907 года по 5 февраля 1908 года: „Дмитрий Самозванецъ“, „Жизнь падшихъ“, „Эросъ и Психей“ (бенефисъ режиссера Г. М. Арановича), „Местъ Моріани“, „Сынъ Императора“, „Въ интересномъ положеніи“, „Превосходительная тещъ“ и „Откуда саръ боръ маргариты“ (бенефисъ Ч. В. Лихтера), „Хорошенькая“, „Братья повѣнчанъ“ (бенефисъ П. С. Соловьева), „Воръ“ и „Амуръ и Кв.“ (бенефисъ администратора Г. О. Каменскаго), „Безработные“ (2 раза), „Смѣсь, солнце“, „Монна-Ванна“ и „Волшебные звуки“ (бенефисъ Н. М. Азовскаго), „Блуждающіе огни“ (дебютъ Н. Д. Холминой), „Горь отъ ума“, (2-й бенефисъ Н. Ф. Рудакова), „Дѣти“ (2 раза), „Стѣны“ (бенефисъ Н. Д. Волжской), „Когь въ сапогахъ“ (Утрен. бенефисъ помощн. режиссера В. И. Тункеля), „Потонувшіи колоколь“, „Къ новому Богу“, „Лулу“ (2-й бенефисъ Е. В. Боренкой), „Корнетъ Савинъ“, „Нина“ и „Которая изъ двухъ“ (бенефисъ С. М. Бородинна), „Маскарадъ“ (бенефисъ и 20-лѣтній юбилей В. П. Кремлева).

Въ общемъ дѣла много слабѣе прошлогоднихъ, антрепризу ожидаетъ крупный дефицитъ. Ни одного полного сбора за весь сезонъ.

Лучше сборы дали „Эросъ и Психей“ (бенефисъ Г. М. Арановича) и „Воръ“ (бенефисъ Г. О. Каменскаго). „Эросъ и Психей“, благодаря тщательной постановкѣ и крупнымъ затратамъ, прошла 5 разъ, причемъ въ первый разъ въ бенефисъ Арановича ожидался единственный въ сезонѣ аншлакъ, если бы не помѣшала ливній весь день проливной дождь. 5 го февраля праздновался 20-лѣтній юбилей В. П. Кремлева. Шель Лермонтовскій „Маскарадъ“. Послѣ 2-го акта состоялось чествованіе юбиляра.

На сценѣ труппа и богорге, за исключеніемъ заболѣвшаго Я. В. Лихтера. Н. М. Ардатовъ читаетъ теплую рѣчь отъ

Редакторъ О. Р. Кугель.

имени товарищей, отъ имени Я. В. Лихтера читаетъ Н. Ф. Рудаковъ, принѣтственные телеграммы отъ старыхъ сослуживцевъ читаетъ С. М. Бородинъ; шумныя овалы въ публикѣ („уны“ собраніея не въ достаточномъ количествѣ). Отъ товарищей В. П. Кремлевъ получилъ жетонъ-лиру за XX лѣтъ.

Къ немъ минусамъ текущаго сезона еще одно: распоряженіе новаго директора гимназій: Строжайше въспрещено учащимся посѣщать театръ на исключеніемъ субботнихъ спектаклей.

С. Л.

БОГОРОДСКЪ. Съ 7 октября прошлаго года въ помѣщеніи собранія приказничкогъ фабрика Богородско-Глухонской и-ры въ воскресные и праздничные дни ставятся драматическіе спектакли подъ режиссерствомъ артиста А. Г. Тарскаго.

Фабричное правленіе вошло съ артисткой г-жей Тихоміровой въ соглашеніе, по которому она обязывалась приглашать артистовъ и ставить спектакли подъ режиссерствомъ г. Тарскаго, за что правленіе должно уплачивать ей по 300 р. за каждый спектакль.

Спектакли правленіемъ устраиваются главнымъ образомъ для рабочихъ фабрики. Въ виду этого цѣны на мѣста установились очень низки, а именно отъ 5 к. до 1 р. 25 к. Умерованныя мѣста въ артистическомъ залѣ 5-40. Полный сборъ 139 рублей. Сторъ, конечно, поступаетъ въ пользу правленія.

Въ первое время постановка дѣла оставалась желать многого, но съ переходомъ завѣдыванія спектаклями къ обществу старшихъ собранія приказничкогъ, въ помѣщеніи котораго даются спектакли, дѣло замѣтно улучшилось. Выборъ пьесъ сталъ удачнѣе, а г-жа Тихомірова стала приглашать болѣе интересныхъ артистовъ, главнымъ образомъ изъ Малого и Корнеевскаго театровъ.

Въ теченіи сезона были поставлены слѣдующія пьесы: „Безъ вины виноватые“, „Знакомая пріимъ“, „Женитьба Вѣдугина“, „Карьера Набокозкогъ“, „Пѣсъ“, „На банкномъ мѣстѣ“, „Продѣлки Скапэна“, „Ревизоръ“, „Скупень“, „Шерлокъ Хольмъсъ“, „Школьные товарищи“, „Фарисей“, „Фимка“ и „Честь“.

Кромѣ этихъ пьесъ на сценѣ собранія была поставлена московскимъ „кружкомъ молодыхъ артистовъ“, подъ режиссерствомъ артиста Художественнаго театра И. М. Москвина, „Трибунальная комедія“ Оскара Уайльда.

Въ теченіе сезона также были поставлены артистами Сооловниковскаго театра подъ роль двѣ оперы: „Фаустъ“ и „Русалка“, а также нѣсколько концертовъ. Играли: Дубровская, Селявинъ, Сипранскій и другіе.

Г. Т. П.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Лучшаго качества по дешевымъ цѣнамъ:

Скрипки

въ 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75 р. и дорожке, народныя 3 и 4 р.

Смычки отъ 50 к. до 60 руб.

Гитары

въ 5, 6, 7, 10, 15, 20, 25, 30 руб. и дорожке. Дешевый сортъ 3 р. 50 к.

Балалайки

5, 6, 8, 10, 12, 15, 20 р. и дорожке. Народныя 1 1/2, 2, 3 и 4 р.

Мандолины

хорошей итальянской работы 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100, 125 р. Волѣ дешевыя 4, 6, 8, 12 и 15 р.

Школы, самоучители и ноты для всѣхъ инструментовъ въ большомъ наборѣ.

Прейсъ-куррантъ № 13 бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34. * Москва, Кузнецкій мостъ. * Рига, Сарайная, 5.